

Валерий Михайлович Миронов.

Пьеса на общественно значимую тему: освобождение от зависимости алкоголиков и наркоманов.

Пятая номинация по условиям конкурса.

Беседы с Бахусом

(Анонимные Алкоголики, группа Возвращение)

**Пьеса по мотивам выступлений на собраниях «Содружества»
Анонимных Алкоголиков.**

Действующие лица:

Вольский,	председатель собрания анонимных алкоголиков, мужчина 55-58 лет, с трезвостью около 20 лет.
Майкл,	член Содружества анонимных алкоголиков города Иваново, мужчина лет 60, со сроком трезвости больше 10ти лет, друг Вольского.
Анастасия,	член Содружества АА, женщина средних лет, срок трезвости 2 года, живёт с дочерью, которой 20 лет.
Капитан,	дежурный по вытрезвителю, он же командир наркоконтроля, который врывается на собрание Анонимных Алкоголиков.
Парамон,	мужчина 42-45 лет, срок трезвости с анонимными алкоголиками 6 лет, находится в срыве 3 года.
Агриппина,	женщина лет сорока, не равнодушна к алкоголю, первая любовница Парамона.
Гордей Петрович,	мужчина 45 лет, муж Агриппины, совершенно равнодушен к выпивке.
Стела,	женщина 35-ти лет, равнодушна к выпивке, вторая любовница Парамона и увлечение Гордея Петровича.
Серафим,	мужчина 40 лет, зависимый от алкоголя до такой степени, что не представляет без него жизни.
Инесса,	женщина 45-ти лет не замужем, осознающая, что она алкоголик
Камал,	мужчина лет сорока, алкоголик, но иногда сомневается в этом, образец восточного мужчины.

Дарья, профессиональный алкоголик, больше полугода живущая трезвой жизнью.

Целестина, молодая женщина 21-22 года, студентка, алкоголик.

Интеллигент, Косой, Ржаной, виртуальные собутыльники в различных пьянках.

Действие первое.

Действие развивается в помещении, где собираются зависимые от спиртного люди, живущие по программе 12 шагов и 12 традиций. В настоящее время, это помещение Городского наркологического диспансера города Краснодара, оно небольшое, но в нём свободно помещается не менее 30 человек. Само помещение является памятником архитектуры 19 века, построенное каким-то состоятельным человеком. Стены с нишами, каминными досками, расписаны пасторальными сюжетами. интерьер располагает к душевной беседе. Холл здания заполнен столами, стульями и диванами вдоль стен.

Выходит женщина, около сорока лет, ухоженная, тихо напевает что-то, достаёт самовар, чашки и расставляет всё это на столах. Столов три, они продолговатые, вокруг стулья штук Пятнадцать. Обстановка небогатая, простая.

Входит мужчина и, смеясь, говорит:

Майкл: Осознаю своё полное бессилие перед алкоголем и перед красивыми женщинами. Меня зовут Майкл, я запойный пьяница. А ты кто?

Анастасия: Я лягушка непьюшка!

Майкл: Я попал к непутёвым алкоголикам?

Анастасия: Это как понимать «непутёвые алкоголики»? Заплутались что ли?

Майкл: А какой алкоголик не пьёт? Только ненормальный, но мне не хочется быть сумасшедшим, поэтому называюсь непутёвым.

Анастасия: Вообще-то я Анастасия, буйно непьющая.

Майкл: Такая красивая, неужели зависимая?

Анастасия: Алкоголичка я, алкоголичка! Чего бы я здесь торчала?

Майкл: Не может быть.

Анастасия: Почему не может?

Майкл: Это несправедливо.

Анастасия: Хватит подъезжать по кривой, скажи прямо, «чё ты хошь?»

Майкл: Расскажи, как это произошло? Пока никого нет, время пролетит.

Анастасия: Я не тороплюсь, устала рассказывать, тем более на ушко. Лучше ты о себе, мне тоже интересно.

Майкл: Ладно, пусть первым буду я. Знакомиться, как и разливать, надо сразу. В Иваново я живу.

Анастасия: Поэтому такой прыткий, у невест успехом пользуешься?

Майкл: Ткачихи уже давно о себе забыли, а легенды остались. Я к вам в командировку приехал, сам родом отсюда, станица Полтавская. С Вольским хотел повидаться. Не спился ещё? Мы с ним в Базеле в одной камере в отеле 4 звезды отвисали лет пять назад.

Анастасия: Так ты Миша из Иваново? Он нам про тебя рассказывал.

Майкл: Не Миша, а Майкл, имею право на анонимность. А что рассказывал?

Анастасия: Как вы в Рейне по утрам купались, а вам полицейские улыбались и не приставали.

Майкл: Да, было такое... как во сне далёком!

Анастасия: (С неподдельным интересом) Ты не отвлекайся и зубы мне не заговаривай. Расскажи, как дошёл до жизни такой, по Европе - джентльмен, а по Руси - пьяница?

Майкл: Не устоять, если женщина просит! Много веков тому назад, посчастливилось мне отхватить путёвку в Средиземноморский круиз.

Анастасия: Не поняла...

Майкл: А что тут не понятного, некоего августа Одна тысяча горохового года, надлежало мне быть в Новороссийске и грузиться на трансатлантический лайнер «Александр Пушкин» чтобы отправится в сказочные города: Афины, Неаполь, Венеция...

Небольшая пауза. В глазах Анастасии появилось явное любопытство.

Анастасия: И что, не срослось путешествие, небось, КГБ не пустил?

Майкл: Нет, всё было намного проще. Захотелось мне отпраздновать это знаменательное событие, как раз накануне отъезда.

Анастасия: С этого места поподробней, пожалуйста.

Она повернулась и придвинулась к Майклу поближе, рассказ её заинтересовал.

Майкл: В те времена в стране царил «Горбачёвский сухарь».

Анастасия: Разъясни, что такое сухарь. Это вино?

Майкл: Вот дрёма, указ 85 года о всеобщем отрезвлении страны.

Анастасия: Слышала что-то краем уха, но я тогда я в школе отвисала.

Майкл: Ты действительно ничего не знаешь? Мне казалось, ты в курсе

Анастасия: Я так плохо выгляжу?

Майкл: А причём здесь: «На сколько грамм ты выглядишь?»

Анастасия: Я не про граммы, поясни?

Майкл: Во времена, когда я пил, женщина для меня была интересна, сколько граммов она мне поставит.

Анастасия: Мне показалось, ты меня за старуху принял?

Майкл: Вот женщины, да мне и в голову не приходил твой возраст, когда я про сухой закон сказал. Мне кажется, о нём все знают, даже детишки в детском саду. Вселенская трагедия была.

Анастасия: Правда, что достать бутылку было невозможно?

Майкл: Достать можно всегда, только за какую цену и что? На Сенном, прикупил я какой-то сивухи, слушатели налетели быстро. И начал я «КОМИЛЬФО» из себя строить: «Знаете с кем вы пьёте, Господа? Сегодня я с вами, а завтра на белой каравелле... - Корабли плывут в Константинополь, - начал я свою тронную речь.

Пауза, а затем голоса из прошлого вразной из громкоговорителя:

Интеллигент, Косой, Ржаной: Неужели Стамбул? Париж? Рим?

Майкл: Плюс Марсель и Корсика, понесло меня по островам. Короче накинули мы по первой, гадость отменная! Говорю с тобой, а духан ацетона в носоглотке, как наяву. После двух месячного зарока, который пришлось пережить на проверки, анкеты и документы, внутри всё дёрнулось, закипело и хотело фонтанировать наружу, но прижилось.

Хор голосов из прошлого из громкоговорителя:

Интеллигент, Косой, Ржаной: С тебя причитается, корсиканец! Не мешало бы добавить.

Пауза:

Анастасия: Что замолчал, колись!?

Майкл: Далее проза, переходящая в трагедию. Ещё! Ещё! И ещё чуть-чуть! Двинули на Всесвятское.

Анастасия: На кладбище?

Майкл: Там удобно, столики, скамеечки, ментов нет.

Анастасия: Брр... а мертвецы?

Майкл: Так они под землёй, никому не мешают.

Анастасия: Дальше, что?

Майкл: Дальше реанимация не пустила. Смутно помню, копытники бегали на Сенной ещё не раз. Сорил я деньгами, как никогда. Очнулся в палате, голый, весь в трубках и капельницах. Десять дней был в коме...

Анастасия: В Коми? А как ты туда попал? Ты же говорил, что в Краснодаре пил.

Майкл: Ты чё притворяешься: Коми от комы отличить не можешь. В кого такая дремучая?

Анастасия: В кого? В отца, конечно, он у меня известный алкаш на всю Комяцкую республику. Как же ты под кислородную подушку угодил?

Майкл: А причём здесь подушка.

Анастасия: А у меня отец, как только глаза закатит, кричит: «Давай подушку, шлюха подлая, подыхаю!»

Майкл: И часто он подышает?

Анастасия: Да в каждый запой, а он у него непрерывный, как выплавка стали.

Майкл: Он что сталевар?

Анастасия: Что ты к нему привязался? Отбуйнился он давно! Ты о себе расскажи. Как ты в анабиоз провалился?

Майкл: Да не помню я ничего, говорю со слов свидетелей моей клинической смерти. Нашли меня в одних трусах на могилке, дня через два. Еле оживили. Врач сказал, если бы не дрянь, которой меня накачали, не выжил бы, на счастье, насос оказался здоровым.

Анастасия: А путёвка пропала?

Майкл: Меня, после месячного отпевания в больнице, никто слушать не хотел, не то, что путёвку или деньги вернуть.

Анастасия: И ты опять начал пить?

Майкл: А я и не прерывался.

Анастасия: Вот псих!

Майкл: Я не псих, я алкоголик. Слушай, а ты не засланная, кричишь алкоголичка, а простой истины не понимаешь, не могут невзгоды и несчастья остановить настоящего алкоголика. Болезнь такая, ничего не поделаешь.

Анастасия: Ну, ты герой, орденопросец, ехал в Европу, угодил в свиную попу. Потрясение всё-таки! Хоть бы чуток притормозил?

Майкл: Нет у меня тормозов. Выписали, сразу начал бухать.

Анастасия: Не жалел?

Майкл: О чём? Всё было позади, а мне туда не надо.

Анастасия: Ты прав.

Майкл: В чём?

Анастасия: В кайфе нам никуда не надо, только в темень эту алкогольную. Я дочку свою трёх летнюю оставила на улице, заскочила в магазин, купила водку. А тут одноклассник подвернулся, Фёдя Петров. Так мы начали прямо в магазине из горла, а очнулась я в вытрезвителе, на выписке.

Молодой милиционер, офицер серьёзный и слегка смущённый.

Капитан: Вот ваши ключи, кошелек, в нём три рубля денег, больше при вас ничего не было.

Анастасия: На похмелье хватит, а там разберёмся (*Бодрым голосом*)

Капитан: Прошу не отвлекаться.

Анастасия: (*Внезапно взрывается*) Как ничего не было? А дочь?... Где моя дочь?...

Капитан: Какая дочь?

Анастасия: Я была с дочерью. Аллочка моя, куда вы её дели?

Капитан: Несовершеннолетних у нас вчера не было... Сколько лет дочери?

Анастасия: Четыре года ... (*Уже шёпотом, до неё стало доходить потеря*)

Капитан: Если бы вы были с ребёнком, мы бы вас на ночёвку не привезли. Не было при вас дочери!

Голос Фёдора из прошлого: Ты чё гонишь Фёкла отмороженная, не было с тобой младенца, гадом буду. Стал бы я с тобой опыляться в пелёнках

Анастасия: Молчи козёл!

Голос Фёдора из прошлого: Дочь промухала она, а козёл я. Сама нализалась, как половица, а кто-то виноват...

Анастасия: Из-за тебя паскуды нализалась, прошлое с тобой пришло.

Голос Фёдора из прошлого: Да пошла ты...

Капитан: Прекратить разговорчики!

Сцена возвращается из прошлого в настоящее.

Анастасия: Захотелось умереть, просто упасть и умереть...

Пауза, слёзы потекли из её глаз:

Майкл: После выписки, стал бомжем и БИЧом одновременно.

Анастасия: После какой выписки? Я никуда не попадала.

Майкл: Да я про себя, Бичом стал после выписки.

Анастасия: БИЧ, столько раз слышала, переведи (*Сквозь слёзы*)

Майкл: Бывший интеллигентный человек.

Анастасия: Клёво, а кем был, когда за границу намылился?

Майкл: Энергоназор, зарплата была. Уважение...

Анастасия: Взяточник, небось?

Майкл: Пьяница взяточником быть не может, угощаться любил, но деньгами и даже щенками не брал.

Анастасия: А почему не восстановился?

Майкл: Документов у меня не было, перед матерью, женой и дочерью позориться не хотелось. «Живой труп», слышала трагедию.

Анастасия: Льва Толстого что ли?

Майкл: Однако! (С удивлением смотрит на Анастасию) Короче, не стал я объявляться, тем более в теплоцентрали было не плохо. А у тебя, что с дочкой-то?

Анастасия: Напилась я конечно после вытрезвителя, приползла на бровях домой с воем, а навстречу дочурка живая невредимая.

Врывается детский голос:

Голос дочери из прошлого, Аллочки: Мама, мамочка я знала, что ты найдёшься!

Пауза.

Майкл: А где сейчас?

Анастасия: Что сейчас?

Майкл: Дочь твоя, где сейчас?

Анастасия: На работе, слава Богу.

Майкл: Как вы с ней, ладите?

Анастасия: Пьянки пришлось прекратить, родители умерли, ушли друг за другом сначала отец, а через год мать.

Майкл: Любили друг друга?

Анастасия: А хрен её разберёт любовь то эту. Отец алкаш-алкашом, а мать при нём всю жизнь. Дура я набитая, когда были живы, не задумывалась даже, кто они для меня? Предки одним словом. Мать пилила, корила меня за спиртные пристрастия. Пахан тоже иногда выступал.

Майкл: А, что рано на стакан села?

Анастасия: В институте с подругами иногда баловалась сухим винишком. А в колхозе, сильно пристрастилась. В коммунистические времена студентов на уборку винограда десантировали в коллективные хозяйства, на помощь разлагающимся от воровства колхозникам.

Майкл: Это и мне пережить пришлось.

Анастасия: После второго курса, в том же колхозе, спуталась я с молодым преподавателем, он за нами присматривал в сельской местности. Вина у него было много, мне говорил, что любит. Но любил он вино, как оказалось, больше чем меня. В городе у него жена и ребёнок, а у меня через 9 месяце дочка Аллочка. Тайный плод любви несчастной. Не по душе мне всё это было. Стала на стакан приседать.

Майкл: А больше никого не встретила?

Анастасия: В те времена байстрюковое приданое не очень было привлекательным. Некая живая печать лёгкого поведения.

Майкл: А, что попрекали?

Анастасия: Да в лицо вроде нет, а чувство вины и неполноценности во мне росло.

Майкл: А родители, как приняли?

Анастасия: Восторга, естественно, не было. Отец философом по жизни оказался, сказал: «Когда-то это всё равно должно произойти». И запил на две недели.

Майкл: А маманя?

Анастасия: Покруче конечно: ругань, попреки, но женское начало победило, а когда Аллочка появилась, то совсем оттаяла.

Майкл: Так в чём суть твоей зависимости?

Анастасия: Сама не понимаю, скорее всего, в лёгкости самой жизни, моём бездумном к ней отношении. Если бы нужда и нищета то может быть, в другую сторону маятник личной истории качнулся. А теперь о чём рассуждать, большая часть жизни прожита.

Майкл: Чем для меня притягательна программа 12 шагов; всегда впереди вся жизнь, не думай о прошлом, и не казни себя за него!

Анастасия: Но держи дверь приоткрытой.

Майкл: Естественно, из жизни греха не выкинешь.

Анастасия: А на прощение надежда есть?

Майкл: Мне в церкви нравятся два таинства, покаяние при исповеди и прощение грехов, особенно в Прощёное воскресенье. Не людское это дело прощать. Простить - это принять, понять, отпустить и забыть. Но забыть не получается, по сему всё отдаём Высшей силе.

Анастасия: Но Восьмой и Девятый шаги программы, предполагают покаяние и прощение.

Майкл: Если это не повредит тому, кому причинял зло или кому-либо другому. Программа учитывает мою человеческую сущность, поэтому предостерегает от ретивого и фанатичного покаяния. Кому нужна моя алкогольная правда, если она вредит другому человеку. Пускай буду страдать один я, чем кто-то ещё. Когда пил, страдали самые близкие, дорогие и любимые. Пришло время и мне пострадать, хотя бы из чувства вины и желания сделать приятное ближнему.

Анастасия: Хорошо, что мы встретились. Посоветуй, как наладить отношения с Аллочкой?

Майкл: А, что вы в контрах?

Анастасия: Да не то слово, совсем меня за человека не считает, словно я пустое место.

Майкл: А кто в авторитете сейчас?

Анастасия: Наркоман один. Назовём его Эраст.

Майкл: Имя подходящее. То, что авторитет один, уже лучше.

Анастасия: Что хорошего?

Майкл: Есть надежда, когда он её достанет, она его выпрет, и всё закончится. А если авторитет групповой, то отвязаться невозможно, как от авторитарной секты. Дочь ещё ни на, что не присела?

Анастасия: По моим наблюдениям нет.

Майкл: Ты только иллюзий не строй, сделать ты практически ничего не можешь. Отпусти, молись и этот авторитет сам всё развалит.

Анастасия: Так он лупит её, чуть не раз в неделю.

Майкл: А ей нравится?

Анастасия: Визжит и плачет, я в защиту! Меня гонит, сама разберусь.

Майкл: Так и не мешай.

Анастасия: Так убьёт же?

Майкл: Откуда деньги берёт на наркотики этот Эраст педераст?

Анастасия: У Аллочки, она же работает.

Майкл: Пока деньги даёт, не убьёт, как перестанет, следи, чтобы ментов вовремя вызвать на скандал. А сейчас отпусти, пусть жизнь идёт, Высшая сила поможет. Терпелка у твоей дочки не из железа кованная, глядишь, и надоест этого тунеядца содержать, кормить и ласкать. А ты молись!

Анастасия: И ничего сделать нельзя?

Майкл: Можно сдать его ментам за распространение, но тогда дочь потеряешь лет на десять.

Анастасия: Её, что посадят?

Майкл: Она сама от тебя отвернётся, ты её счастья лишила.

Анастасия: Ничего себе счастье? Наркоман, бездельник, садист наверняка ещё жулик и вор.

Майкл: Это уже правовые вопросы, а сейчас вернёмся к нашим баранам.

Анастасия: Спасибо, полегчало. Ты меня своим «круизом» напрочь огорошил. Неужели не капельки не жалеешь?

Майкл: Тебе Вольский не рассказывал, как я свой круизный эгоизм в Базеле утешил?

Анастасия: Это когда вы оказались на собрании немецко-говорящих алкоголиков Европы? Нет, он на счёт анонимности очень щепетилен, особенно, когда она касается другого человека.

Майкл: Я знаю, это довольно редкое качество среди Анонимных, хотя повторяем каждое собрание: «И пусть здесь не будет сплетен и критики друг друга». Базель расположен, как раз в месте сопредельности трёх стран. Я на трамвае из Швейцарии ездил во Францию и Германию. Никакой круиз мне этого удовольствия не представит. А я получил это, бесплатно, просто не пил восемь лет и всё.

Анастасия: А если бы тебе предложили в питейные времена, оставь в покое алкоголь, поедешь в Европу к французам и немцам.

Майкл: Думаешь, я бросил пить из материальных соображений. В том-то и весь фокус, что материальный стимул здесь не работает. Дно моё было ниже самой глубокой сточной канавы города Иванова. Меня бомжи уже сторонились. Я смердил и гнил не только как личность, но как физиологическое тело. Вонючее, неопределённого пола существо. Нормальные люди уже шарахались от меня. Когда молодые менты, по незнанию, забирала кучу пьяниц в вытрезвитель, меня оттуда выкидывали на мороз, со словами: «Опять эта мразь здесь! Когда уже ты подохнешь? Пошёл вон!» Эта фраза всегда со мной, она меня взбадривает, упрекает, не даёт забыть, кто я, поддерживает, подпитывает и опохмеляет.

Наступила глубокая пауза, каждый думает о своём. Постепенно собирается народ, входят, здороваются, обнимаются. Рассаживаются вокруг столов. Постепенно шум стихает. Представительный мужчина встаёт и начинает говорить:

Вольский: Здравствуйте Господа Анонимные Алкоголики! Меня зовут Вольский, я алкоголик. (*Раздаются возгласы: «Привет Вольский!»*) С вашего разрешения я проведу наше сегодняшнее собрание. Добро пожаловать, на группу «Возвращение», которая является частицей всемирного движения «Анонимных Алкоголиков».

Давайте начнём нашу встречу с минуты молчания, вспомним о тех, кто погиб от этой страшной болезни, и о тех, кто ищет дорогу к нам, подумаем о себе и приготовимся к собранию.

Пауза длится ровно минуту.

Спасибо всем!

Мы редко встречали человека, который строго следовал по нашему пути и потерпел неудачу, давайте напомним себе эти простые шаги:

Вольский: Шаг первый, мы признали своё бессилие перед алкоголем, признали, что наша жизнь стала неуправляема.

Анастасия: Шаг второй, пришли к убеждению, что только сила более могущественная, чем наша собственная может вернуть нам здравомыслие.

Парамон: Шаг третий, приняли решение препоручить нашу волю и нашу жизнь под попечение Бога, как мы его понимаем.

Инесса: Шаг четвёртый, глубоко и бесстрашно оценили себя с нравственной точки зрения.

Дарья: Шаг пятый, признали перед Богом, собой и каким-либо другим человеком истинную природу наших заблуждений.

Камал: Шаг шестой, подготовили себя к тому, чтобы Бог избавил нас от всех наших недостатков.

Серафим: Шаг седьмой, смиренно просили Бога исправить все наши недостатки.

Вольский: Шаг восьмой, составили список всех людей, кому мы причинили зло, наполнились желанием загладить свою вину перед ними.

Анастасия: Шаг девятый, лично возмещали причинённый этим людям ущерб, где только возможно, кроме тех случаев, когда это могло повредить им, или кому другому.

Парамон: Шаг десятый, продолжили самоанализ и когда допускали ошибки, сразу признавали это.

Инесса: Шаг одиннадцатый, стремились путём молитвы углубить соприкосновение с Богом, как мы его понимаем, молясь лишь о знании его воли и даровании силы для этого.

Майкл: Шаг двенадцатый, достигнув духовного пробуждения, к которому привели эти шаги, мы старались донести наш опыт до других алкоголиков, и применяли эти принципы во всех наших делах.

Вольский вздрагивает от удивления, когда слышит голос Майкла, пристально посмотрел на него и улыбнулся.

Вольский: Привет, Майкл! Всем спасибо! По плану, у нас сегодня в группе спикерское собрание, на котором наш старый товарищ Парамон поведаёт свой собственный опыт жизни по программе 12+12. Какие будут предложения. Если нет никаких предложений, слово предоставляется Парамону, реплики и вопросы по ходу и после выступления.

Парамон: Я Парамон, непьющий алкоголик, пришёл рассказать, как я дошёл до жизни такой.

Хором: «Привет Парамон!»

Парамон: Извините, волнуюсь, мне трудно говорить, но постараюсь. Я не знаю что такое запой, потому что пил каждый день.

Вольский: Но у тебя были хоть какие-то перерывы?

Парамон: Были, когда организм просто отказывался принимать спиртное, но такое случалось редко.

Парамон: Питья начал в детстве, лет в 13-14 я уже посасывал вкусные ликёры. Была такая вишнёвая настойка, мне нравились вкус, запах и лёгкое состояние веселья и беззаботности, которое она вызывала. Я отхлёбывал глоток из горлышка, растягивая пьянящее состояние на весь день.

Серафим: Я Серафим, алкоголик. Вспомнил, когда мне было лет десять. У матери были гости, она ушла их провожать. Я с вожделением, потому что жаждал это сделать, взглотнул из рюмки остатки «Спотыкача», и спрятался под кровать. Меня подхватила волна радости, лёгкости, любви и счастья. Я уснул под кроватью. Мать меня еле нашла, я там мирно сопел в две дырочки.

Парамон: «Спотыкач» - сладкая сливовая настойка. Я тоже от него балдел. Мог себе позволить покупать различные настойки и ликёры с сигаретами. Мы с моим другом Петькой частенько приятно проводили время, попивая и покуривая. Родители были в разводе, жили отдельно. Я с матерью, у отца была другая семья. Никто меня не

контролировал. Я манипулировал, выдавая то отца, то мать. Но дозы были не большими, организм крепким, видимые признаки опьянения быстро улетучивались.

Серафим: Для меня состояние опьянения сразу стало мечтой, неосуществимым желанием, как оказалось, на всю жизнь. Я, когда начинаю пить, мечтаю и стремлюсь достичь состояния, которое испытал при первом употреблении.

Вольский: Получалось?

Серафим: Всего несколько раз, а потом началась погоня за кайфом. Пить регулярно начал лет в 15, пытался погрузиться в эйфоричное, детское состояние, но быстро его проскакивал и срывался в простонародный, тягучий, отвратный запой. Погоня за миражом, которого нет! Мать Ругала на чём свет стоит. Потом заставила работать, а когда ей совсем неважно стало, определила в ЛТП. Думала, меня там исправят.

Вольский: Заметьте, не излечат...ну и как справили?

Серафим: Сказки это. Всё что можно было купить на воле, продавали и там, только дороже. Везде только монетный интерес. После восьми классов мать напутствовала: «Иди работай». Взяли на стройку разнорабочим. Освоился, сварщику приглянулся, все его Сергеичем звали. Хороший мужик был, царствие ему небесное. Он меня научил электрод держать и огонь укрощать. Быстро наблошнился, способность у меня к этому делу. Экзамен на сварного сдал, стал совершенствоваться на реальных объектах, вместе с Сергеичем.

Вольский: Как по-твоему, учёба тормозит питиё?

Серафим: Тормозит или нет, не знаю, но пока учился, не хотелось задуриваться. Мой наставник говорил: «У тебя способности к сварному делу, меньше забутыливай и всё у тебя будет справно».

Инесса: А на мать ты обиду не держишь?

Серафим: А за что?

Инесса: За то, что в ЛТП тебя спровадила.

Серафим: Нет, она со своей колокольни была права. Надоело ей с ментами и соседями скандалить и расплачиваться за меня. А учиться я сам не хотел.

Вольский: Парамон, как там гласит студенческая присказка на счёт учёбы?

Парамон: - «Если водка мешает учёбе, брось учёбу!» После школы, сбылась мечта моей матери. Я поступил в институт и далее в аспирантуру. Пить я не бросил, потому что не хотел. Того состояния блаженства, как у Серафима, с которого всё началось, не было. Количество выпитого за один день росло, и достигало величин, от которых я не только покачивался, но порою просто вырубался.

Серафим: Вынужден подтвердить слова Парамона. Он верно заметил, блаженство за пятнадцать лет запойного питья не наступило ни разу. За все попойки не испытал даже мизерной части того невесомого, детского состояния первой выпивки, которое накрыло меня давным-давно. Но каждый раз, когда опрокидывал первый стакан, в голове пролетало, а вдруг сегодня всё повториться. Через 8-10 дней отравление суррогатами достигало апогея. После каждого насильственного глотка спиртного, выворачивало наизнанку. Я понимал, в очередной раз потянулся за детской рюмкой «Спотыкача», как за счастьем. Увы!

Все действующие лица освещены – каждый индивидуально, гаснет прожектор лицо Серафима исчезает, его не видно.

Парамон: Прошу всех помолчать в память о Серафиме, он ушёл от нас в мир иной ДВА года назад. После работы купил бутылку водки, выпил стакан, поел, лёг спать и не проснулся. Похмелиться уже не удалось. До сих пор слышу его слова: «Не могу я

жить без спиртного, не получается у меня трезвая жизнь». На собрания ходил регулярно три года.

Пауза поминального молчания.

Парамон: Я спивался долго, до первого раза, когда обратился в наркодиспансер, прошло лет 10-12. За это время я женился, и стал негодным мужем. Не смотря на то, что женился по любви, выпивка стала превращаться в страсть, а любовь в привязанность, а потом в обязанность, далее в неприязнь. Жена оказалась не пьющая, поэтому союзницей и собутыльницей в моём пристрастии не стала.

Вольский: Сволочь, одним словом.

Парамон: Прошу без оценок.

Вольский: А я не её, я тебя так оцениваю.

Парамон: А меня за что?

Вольский: За то, что можешь, но не хочешь.

Инесса: Если так, то действительно сволочь.

Парамон: Вы что сговорились? Она тоже приличная шлюха была. Когда просыпался в запое, а она под мужиком рядом? Это как было переносить? Это не в счёт, что ли?

Инесса: Конечно же в счёт, Парамоша, она это делала, потому что ты не полноценным был от алкоголя.

Камал: Без члена и чина ты не мужчина! Я, Камал, сомневающийся алкоголик.

Парамон: Поосторожней на поворотах, обрусевший мусульманин.

Камал: Я цитировал Островского, а он ярчайший православный.

Парамон: Но я же больной человек!

Инесса: Это для нас больной, а для неё ты был безвольный, слабый, негодяй, который ради бутылки огуречного лосьона, на Васильевский остров ползал по ночам.

Парамон: Я парфюмы не пил.

Вольский: Я пил, так ты что здоровее меня?

Парамон: Вы что, адвокаты моей жены?

Анастасия: Я не поняла? У нас Спикерское, почему мы вопросы задаём. Парамоша ещё не закончил?

Парамон: Да пусть задают, мне так легче не сбиться.

Инесса: Мне совершенно параллельно всё, что касается твоей жены. Ты её сам выбирал. Неужели она хотела, чтобы ты стал алкашём и ситуативным импотентом, который не просыхал.

Камал: Что вы на него напали, у него же было ШЕСТЬ лет трезвости. И он опять алкоголик?

Парамон: Шесть лет я был не пьющий алкоголик, но внутри меня ничего не изменилось.

Вольский: Благодаря тебе, Парамоша, мы все убедились - срок трезвости не иммунитет. Спасибо тебе огромное за личный пример.

Камал: Прямо Александр Матросов перекрыл мою тягу.

Парамон: А кто-нибудь спросил, почему я это сделал?

Анастасия: Ты ж говорил, что пробовал безалкогольное винишко.

Парамон: У вас всё так просто, пиво или вина без градуса выпил – провокация. Сам виноват!

Вольский: Начинаешь пытку оправданием.

Инесса: Вольский, у тебя или черное или только белое, а полутона?

Вольский: Дайте алкоголику волю, он столько полутонов навешает, хоть грамоту вручай. «За отвагу на похмелье»

Парамон: Можно подумать ты без эмоций и страстей.

Анастасия: Парамоша! Я поняла. Была замешана женщина? Рассказывай скорей.

Все женщины хором начали просить, - расскажи Парамоша!

Парамон: Да ничего интересного нет. *(Смущается от повышенного внимания).*

Инесса: Колись несчастный, какая Ярославна медовухой тебя напоила?

Парамон: Во времена, когда я пил всё подряд и каждый день, мне иногда удавалось оставаться дееспособным. Тогда я названивал своим знакомым и незнакомым, если находил свободные уши, то на них навешивал все свои пьяные грёзы. Друзья перестали со мной разговаривать, я начал телефоны выбирать из газеты «Хочу познакомиться», на кого пьяный перст указывал, тому я и звонил. Чаще всего меня посылали «в сексуальное путешествие». Но однажды в трубку раздался стон: «Помогите, я умираю!» Я спросил: Похмелиться хочешь? Скажи адрес, я приеду. Она прошептала адрес.

Было уже за полночь, у меня в тот день пруха была: при разгрузке вагона я коньяк притарил. Схватил две бутылки и помчался на приключение. Подъезжаю, двухэтажный кирпичный дом, звоню, в ответ слышу: «Входите там открыто, прямо в ванну, по первому этажу налево». Я вначале опешил, но вошёл. Где-то на задах двора пёс залаял, таким кобелиным, сиплым лаем. Ну, думаю, приплыл. Вошёл я в ванну, а там женщина, блондинка в красной воде, голова, как одуванчик белая-белая. Прошептала из последних сил: «Вызывайте скорую...» Этот голос и сейчас в голове звучит, как потусторонний. Я за телефон, слава богу, адрес не забыл, потому что сам искал этот дом. Вытащил даму из ванны. Кровь капала из правого запястья. Почему из правого подумал я? Оказалось, она была левшой. Забинтовал полотенцем, на ковёр в прихожей её уложил.

Вольский: Не приходило в голову, что менты повяжут

Парамон: Пока в больнице не спросили, кем вы ей приходитесь, в голове никаких страхов не было. После первой помощи, откуда-то мент нарисовался, вопросы задавал, я отвечал, как мог. Слава Богу, терзал не очень, но бросил потом: «Молись, чтобы выжила, а то грометь тебе за убийство». Но убийства-то не было. Через два дня выписали, я её забирал. Она мне рассказала, как дом открывать, где шмотки парадные взять, ключи-то после скорой у меня остались.

Инесса: Надо же, ты первый встречный и такое доверие.

Вольский: Можно подумать она могла выбирать?

Инесса: Гном ты Вольский. А дальше то что?

Парамон: Как водиться, любовь со спасителем. По законам жанра без этого нельзя, все распоряжения я выполнял прилежно и с удовольствием. Идиллия длилась дней десять, а потом муж приехал, а с ним две девочки, как оказалось дочки одной 8 другой 10.

Анастасия: Небось скандал закатил?

Парамон: Да нет, пришёл я на десятый день, как сейчас помню, часов в 10 утра, а мне навстречу собака чёрная с телёнка ростом, а с ней две девчонки, с криками: «Парамон пришёл!» Я опешил, но они разорвали моё удивление, застрекотали наперебой, что им мама обо мне рассказала, когда с ней несчастье произошло, а я "скорую" вызвал.

Анастасия: И какой была версия для детей?

Парамон: Пищевое отравление, колбасой.

Анастасия: А на самом деле?

Парамон: Что ты имеешь в виду?

Анастасия: Настоящую причину происшествя?

Парамон: В тот момент, я довольно смутно представлял, что творилось, события меня устраивали, этого было достаточно.

Инесса: Ты хочешь сказать, что спасённая за десять дней общения ничего о себе не рассказала?

Парамон: Да мы в каком-то тумане все эти дни провели. Она жизнью никак напиться не могла, я про любимую выпивку забыл. Честно говоря, у меня таких отношений с женщиной отродясь не было.

Инесса: И чем же они тебя поразили, эти отношения?

Парамон: Откровенным обожанием и сексом, она фантазировала так, что я в своей пьяной жизни, и представить не мог.

Камал: Позы оригинальные?

Парамон: Причём здесь позы, все это в журналах и на дисках есть. Ненасытность в ней была, я бы сказал животная страсть, полное погружение в процесс, наслаждение удовольствием, необузданность, которая захватывала и меня. Мы улетали куда-то вдвоём, когда всё заканчивалось, приходили в себя, что тоже было продолжением удовольствия. Из неё томление, восторг и вожделение медленно испарялись, она преображалась, постепенно возвращаясь в действительность. В минуты наивысшего наслаждения она становилась прекрасной и продолжала жить в экстазе, смотреть на неё обнажённую и расслабленную было наслаждением.

Анастасия: Ты прямо поэт!?

Парамон: Это плохо?

Инесса: А, что муж?

Парамон: Муж он и в Пашковке муж. Поздоровались, Гордеем Петровичем он оказался. Сдержанно поблагодарил меня за помощь и соучастие.

Гордей Петрович: Агриппина рассказала мне, что отравилась водкой. У неё привязанность к крепким напиткам.

Парамон: Не может быть?

Гордей Петрович: Неужели вы это не почувствовали? Гриппа рассказала, мне обо всём. Вы тоже клиент алкоголя. Надеюсь на вашу порядочность, поэтому и говорю правду. Она пьяница со стажем, я привык к закидонам и маскарадам. Последний маскарад перещегоолял все!

Парамон: Я понял: мне предлагалась версия событий, которая устраивает хозяина. Это было неожиданным откровением. Моему удивлению не было границ.

Гордей Петрович: Я с детьми вынужден отдыхать без неё, Гриппа часто не контролирует себя на людях. Ваше участие поразительно и похвально, я благодарю вас за спасение моей жены.

Парамон: Агриппина молчала, было видно её мало интересует всё, что говорит этот человек. Мне она тоже ничего не сказала. Разговор не клеился, мне ничего не оставалось, как откланяться и уйти. Что я и сделал. Меняхватило до первого магазина. Всё что недопил за две недели, наверстал быстро. В минуты пробуждения злился на всех. Скрипел зубами, стонал, матерился. Она не сказала мне ни слова, ни про мужа, ни про детей, ни про алкоголизм. Говорила о каком-то сожителе, который доводил её до коматозного состояния, издевался над ней, требовал извращённого секса, бил её. А тут муж вполне уважаемый, дочери на нём виснут...

Камал: А синяки ты видел?

Парамон: Ты о чём Камал, какие синяки. Она вся из розового воска была...

Камал: Персик, мой любимый фрукт.

Инесса: Сам ты Фрукт, банан торчащий.

Камал: Лишь бы не висящий.

Парамон: Пил я без малого месяц. И как-то раздался звонок, в полупьяном бреду взял трубку. Долго не мог понять кто звонит, наконец пробило - это Гордей.

Гордей Петрович: Парамон, приезжайте, пожалуйста, как можно скорее, очень вас прошу, умоляю...

Парамон: А что случилось?

Гордей Петрович: Пока ещё не случилось, но может повториться прошлая история.

Парамон: А я здесь причём, нашли спасателя-алконавта, опять из пропасти вытаскивать. Жена ваша, вы с ней и возитесь

Гордей Петрович: Гриппа заперлась в ванной, сказала, откроет только вам, угрожает покончить собой.

Парамон: Я поломался для виду, но не долго. Мурашки ужаса потекли по спине и стали спускаться вниз, замораживая всё на своём пути. Сел в тачку, не помню как ехали. В голове только: Господи, помоги! Господи, помоги! Ворвался в дом, перепрыгнул через чёрного монстра, который жалко проскулил вослед. Поразила тишина, кроме пса никого в доме не было. - Гриппа, Грипушка, - пролепетал я холодея. - Это я!? Дверь отворилась...

Женский голос в голове Парамона: Куда ты пропал, не бросай меня больше никогда.

Парамон: Хорошо любовь моя, *(хватает её за руки, смотрит на запястья и кругом)* Далее рассказывать нечего. Страсть захватила нас по новой. Я поражался, откуда в меня вливалась энергия. Полчаса назад я был слабой, безвольной головешкой, в которой теплились остатки трезвой жизни. И вдруг такое преображение.

Женский голос в голове Парамона: Ты никогда никуда не уйдёшь, ты моя судьба, я ждала тебя всю жизнь!

Парамон: Проснулся на тахте прямо в коридоре на первом этаже. Гриппа спала на моей правой руке, которая занемела. Красивое, кремовое тело, в сероватых утренних сумерках было прекрасным. Волны волос расплескались по подушке, губы были полураскрыты улыбкой счастья. Из ванны мы выбрались, а как же здесь оказались, подумал я, но не успел найти ответ, из кухни вышел Гордей Петрович.

Гордей Петрович: Вставайте, завтрак готов.

Пауза:

Парамон: К такому повороту событий я был совершенно не готов. Хорошо, что девчонок нет, подумал я, медленно врубаясь в обстановку.

Гордей Петрович: Дочери у бабушки, я всегда их туда отвожу, когда у нас начинается очередной психоз, он будто ответил на мои мысли.

Парамон: Вы сами меня позвали, начал я нащупывать нить разговора.

Гордей Петрович: Я вас не упрекаю.

Агриппина: А ты попробуй, попрекни, интересно услышать...

Гордей Петрович: Гриппа, давай не будем выяснять отношения наспех, по следам наших выступлений.

Агриппина: Ты хорошо заметил – наших выступлений, только мои ответные.

Гордей Петрович: Я предлагаю завтракать! Утром всегда мудренее...

Парамон: Агриппина встала, совершенно обнажённая, ни крупинки стеснения не было в её движении. Накинула халат и отправилась в ванну. Гордей достал пачку мальборо и протянул мне.

Гордей Петрович: Закуривайте молодой человек, это помогает прийти в себя.

Парамон: Насчёт молодости вы загнули, разница между нами года два-три, не больше, отпарировал я. Меня поражало его спокойствие, подумалось: «Он привык заставать собственную жену в постели с мужиками?»

Гордей Петрович: Нет, вы первый, кто отважился остаться в моём доме на ночь. (Он словно читал мои мысли)

Парамон: Вы меня сами пригласили.

Гордей Петрович: (*усмехнувшись*) Условия приглашения предусматривали спасение от суицида, но методы спасения оговорены не были.

Парамон: Я не психолог, а простой русский алкаш. Вы ждёте от меня покаяния?

Гордей Петрович: Я не Господь Бог, отпускать грехи не моя задача.

Парамон: А не было греха, была любовь.

Гордей Петрович: Вас я не знаю, молодой человек, но любовь у Гриппы? Вы серьёзно думаете, что она вас любит?

Агриппина: Гордей отстань от Парамона, пусть идёт умываться, ты же завтракать предлагал.

Парамон: При виде Гриппы Гордей сразу изменился в лице.

Гордей Петрович: Да, да конечно, не смею задерживать дорогого гостя.

Парамон: Я встал, стараясь не стесняться собственной наготы, завернулся в простыню, схватил джинсы и майку и отправился в ванну. Из зеркала на меня смотрело счастливое лицо влюблённого болвана. Тревоги не было, необходимо было собраться с мыслями. Ситуация была необычной, но опасность мне не грозила. Тщательно вымылся под холодным душем и побрился. Что он может мне предъявить? Вытерся с удовольствием до красноты, оделся и вышел на кухню. Яичница с беконом, кофе, сливочное масло, сыр. Неплохо живут предприниматели.

Гордей Петрович: Мы тут посоветовались с Агриппиной Львовной, и решили предложить вам поработать с нами.

Парамон: У вас? Помнится, я уже давно «ваш старый клиент», съездив я и почувствовал себя свободным, счастливым, здоровым и молодым.

Гордей Петрович: К чему ирония, Парамон Александрович, мы взрослые люди. Ладно, пусть будет по-вашему. Мы предлагаем вам работать у нас.

Парамон: Хотелось бы знать, чем занимаетесь? Оружием приторговываете?

Гордей Петрович: Ирония ваша понятна, но зачем язвить? Мы делаем фруктовые соки.

Парамон: Надеюсь без наркотиков? В чём моя задача?

Гордей Петрович: Вы можете управлять автомобилем?

Парамон: У меня категории Б и Це.

Гордей Петрович: Подходит, у нас Газель и Москвич 41-й. Будете развозить продукцию по магазинам, отслеживать реализацию, собирать выручку, а потом разберемся.

Парамон: «Потом разберёмся», относится к заработной плате? Мне бы хотелось, в первую очередь, выяснить количество рублей.

Гордей Петрович: Ваша заработная плата будет складываться из двух составляющих: постоянной и заработанной от реализации, он назвал цифры, я успокоился и согласился.

Парамон: Всё это время Агриппина молчала, было видно, что она нервничает, но сохраняет спокойствие, медленно прихлёбывая кофе. А мои отношения с Агриппиной Львовной, каким образом будут развиваться.

Гордей Петрович: Это ваше личное дело, по мне лишь бы процесс производства не затухал, а развивался. Агриппина Львовна и вы должны быть в форме, никаких пьяных эксцессов в рабочее время быть не должно. Желательно чтобы дочери не догадывались о ваших неформальных отношениях.

Агриппина: Тоже мне, моралист доморощенный.

Гордей Петрович: У вас на мой счёт, только домыслы и неуклюжие фантазии, а у меня неопровержимые факты. И не будем об этом.

Агриппина: Ты же первый начнёшь попрекать меня, дня через два.

Гордей Петрович: Если всё в рамках приличия не начну, даю слово.

Агриппина: Из твоих слов столько карточных навесов построено, несть им числа.

Гордей Петрович: Не будем об этом, прошу тебя!

Агриппина: Ладно, замнём для ясности, Парамоша завтра в 8-00 на службу, форма одежды рабочая, дня через два выдам тебе фирменный комбинезон.

Парамон: А почему завтра, я сейчас готов приступить к освоению посильных служебных обязанностей.

Агриппина: Тогда пошли на производственный двор.

Парамон: Так я стал экспедитором на фирме «АГА и К».

Камал: В натуре АГА?

Парамон: Если придумал, неужели это существенно? Гриппа работала азартно. На ней держалась фирма, это касалось технологии и ассортимента. Гордей заботился о сырье и оборудовании. Я стал развезать на транспорте с готовой продукцией. Дней через десять стал принохиваться к спиртному, а через месяц напивался в стельку практически каждый день. Стопор из любовного тумана сорвался. Гриппа не пила довольно долго, но, порой махнув на всё, мы гудели вместе.

Анастасия: Ты хочешь нас уверить, тебе не рассказали причину собственных суицидных запоев.

Парамон: Я не уверяю вас ни в чём. Только её версия звучала так. Однажды она говорила с ним по мобильнику. Он не выключил его, она долго слушала, как он и две лучшие Гриппины подружки развлекались в бане.

Камал: Их было трое?

Парамон: Мне не приходило в голову спросить, сколько там было, Гриппа рассказывала только о тех, кто её интересовал. Мне понравились следственные действия, которые она предприняла.

Инесса: И что она сделала, чтоб удостовериться?

Парамон: Это вышка изобретательности. Залезла в мобильник Гордея, исправила номер телефона с именем своей самой красивой, подозреваемой подружки, на собственный.

Инесса: Ну и что из этого?

Парамон: А то самое. Он в справочнике мобильника находит имя любовницы, набирает, а телефон звонит у Агриппины. Естественно, ничего не подозревая, он начинает ворковать на всевозможные темы, а Гриппа слушала его, как она выразилась, сексуальные испражнения, минут десять. Подробности она мне не рассказала, но сомнения в измене у неё исчезли.

Божена: И как, сумела отомстить?

Парамон: Мсть, как вы уже знаете, не очень получилась. Подругам устроила скандал, они растворились в тумане и больше не появлялись. Сама начала пить, а Гордей всё это называл: «Больным воображением отравленной алкоголем бабы». У неё была своя правдоподобная версия, но последующие события заставили меня усомниться в её искренности.

Анастасия: Ты нам расскажешь?

Парамон: Это длинная история, но если народ не возражает, я готов осветить историю шестилетней трезвости и последующего трёх годичного срыва.

Анастасия и Инесса одновременно: Мы, народ, просим тебя продолжать, а кому не нравится, тот может быть свободным.

Парамон: Работал я прилежно, сам не ожидал. Напивался каждый день, а после выпивки какой из меня мужик, видимость одна. Агриппина всё чаще стала за бутылку хвататься, временами Гордей на нас наезжал, чтобы опомнились. Но истерик с Гриппой больше не случалось. Часто оставался ночевать прямо на работе, выделили мне кровать, компьютерный стол, телефон провели. Стал я по старой привычке иногда названивать по объявлениям.

Агриппина: Мог бы и не звонить по бабам-то, со мной не справляешься, а туда же.

Парамон: Имею право на свободу слова! Она сильно не напирала, но скандал назревал. Однажды мне попалось объявление: Группа Анонимных алкоголиков «Возвращение» собираются на собрание каждый четверг в 18-00 адрес, телефон.

По стечению обстоятельств, а попросту был встельку, врезался я на гружёной Газели в столб, который торчал возле нашего склада. Половину продукции вдребезги, капот и бампер крокодилком оскалились, радиатор потёк.

Агриппина: Если думаешь, я буду тебя покрывать, глубоко ошибаешься, отработаешь по полной программе, а потом проваливай, раз пить не можешь!

Парамон: Особой надежды на помилование не было, после дежурного возлияния, и криков. Подумаешь, напугали! Глубокой ночью позвонил этим «Возвращенцам». Больше всего удивило: ответили приветливо, разъяснили вполне внятно, чем занимаются и как к ним подобраться. На другой день купил я бутылку пива и отправился на своё первое собрание. Думал, а вдруг они всё-таки бухают на встречах, обмою знакомство.

Вольский: Я помню, тогда с нами Каменец и Филомена были.

Парамон: Точно у Филомены 8 месяцев трезвости было, я ей сказал: Так долго не живут. Она в ответ: «А когда пьёшь, это уже не жизнь!»

Инесса: А бутылку пива, когда ты выпил?

Вольский: Это пиво легендой стало, мы его вручали новичкам, как переходящий вымпел трезвости, но какой-то неопит не вернулся из боя, вместе с бутылкой.

Парамон: Меня лечили от этой болезни знахари и маги, но ни разу мне так легко не было, как после первого собрания. Вернулся на рабочее место на подъёме. Агриппина встретила.

Агриппина: А что это мы не в гусарской форме?

Парамон: Любить тебя хочу.

Агриппина: Это тебе не поможет, ущерб приличный, месяцев восемь будешь работать без зарплаты.

Парамон: Тарелку борща нальёшь, отработаю.

Агриппина: Оптимист, а почему я тебя должна кормить?

Парамон: По Марксу: капиталист должен заботиться о собственных работниках, восстанавливать их силы и повышать образовательный уровень. Я приблизился к ней, обнял её.

Агриппина: Вот Маркс пусть тебя кормит, учит и просвещает.

Парамон: Тогда будешь кормить для любви, не давая ответить, начал её целовать.

Пауза: Видно было, Парамон вспоминает что-то очень хорошее

Агриппина: Могу я с тобой пойти на это пресловутое собрание Анонимных Алкоголиков? Что вы там скрываете, конспираторы большевизма?

Парамон: Конечно, можешь. Хочешь рассмотреть соперниц?

Агриппина: Ты думаешь, я ревную?

Парамон: Я не говорил, о чём я сейчас думаю.

Агриппина: Тогда скажи, о ком ты сейчас думаешь?

Парамон: Только о тебе, а ты ревнуешь, как простая кубанская казачка, потому что я отказался от питья не ради тебя?

Агриппина: Сказал бы уж БАБА, какая я казачка? Несёшь сплошную бредятину, воистину твоя болезнь неизлечима.

Парамон: Наша болезнь, Давно ты из запоя вышла?

Агриппина: Если я запойная, то могу и без тебя на собрания ходить.

Парамон: Скатертью дорога!

Инесса: Я помню, она приходила, красивая, ухоженная, деловая женщина. Мы с ней долго общались, на собраниях и вне.

Агриппина: Я хочу узнать алкоголик я или нет?

Инесса: Парамоша, не будешь возражать, если я расскажу про Агриппину?

Парамон: Нет, но оставляю за собой право, остановить в любой момент.

Инесса: Принимается, я ей тогда ответила, этот диагноз, в отличие от других болезней, нам приходится ставить самим.

Агриппина: Меня настораживало, когда Парамон передо мной пьяным вышивал. Я чётко представляю границы моего погружения в стакан. Сейчас он больше года не пьёт, это удивительно и тревожно. При стрессах я привыкла принимать коньяк, но замечаю, тормозить стало всё труднее.

Инесса: То, что тебе кажется стрессом, может и не стресс вовсе, а только твоё желание напиться.

Агриппина: Временами меня колотит.

Инесса: Желание напиться тебя колотит, а не стресс.

Агриппина: Мне это в голову не приходило.

Инесса: Мне тоже, пока я к Анонимным не попала. А что тебе ещё нравится в жизни?

Агриппина: Секс, общение с детьми, чтение, работа.

Инесса: А, что больше чем алкоголь?

Агриппина: Скорее всего, только секс.

Инесса: Так занимайся.

Агриппина: Не с кем...

Парамон: Она не могла так сказать.

Инесса: Мне прекратить?

Парамон: Продолжай, очень интересная версия!

Инесса: Я посоветовала найти мужика.

Агриппина: Если я тебе всё расскажу, никто не узнает?

Инесса: Конечно никто, если по рассеянности сама не разболтаешь.

Агриппина: Мне простой секс уже стал надоедать, мне хочется втроём, или вчетвером.

Инесса: Договаривайся с подругами или по объявлению, что за проблема?

Агриппина: А ты не могла бы с нами?

Инесса: Что с вами, с кем с вами?

Агриппина: Со мной, Парамоном, можно из группы кого-нибудь прихватить, и муж у меня мужик вихрастый.

Инесса: Ты что серьёзно?...

Парамон: Я протестую.

Вольский: Если ты сомневаешься в правдивости Инеессы, я могу подтвердить, мне Агриппина тоже предлагала, необычные сочетания.

Пауза: (Смятение Парамона явно выступает в его жестах и мимике).

Инесса: Продолжать?

Парамон: Валяй (*отрешённо машет рукой*)

Агриппина: А что? Вы люди серьёзные, наверняка здоровые...

Инесса: Этого достаточно?

Агриппина: Ты, что о любви?

Божена: А почему бы нет?

Агриппина: Любовь на троих? Станислав Лем, писал, когда пятого не хватает, это трагедия «Четверицы». Так согласна или нет? Неужели тебе никогда не хотелось двойного или тройного проникновения?

Инесса: Как ты культурно обозначила, ...проникновение...Воистину русский язык богат!

Агриппина: Я когда своего мужа «на троих» застукала, долго об этом думала.

Парамон: Так она ему отомстить хотела?

Инесса: И да и нет. Пока в семье была гармония, её это не занимало, а когда всё пошатнулось и рухнуло, пойти на перемирие гордость не давала.

Агриппина: Представляешь, хотела с подругами своими, которые свахами стали, помириться и продолжить групповуху в открытую. Но что-то её тормозило. Потом пить начала, потом суицид, Парамон объявился.

Инесса: А может не было ничего.

Агриппина: Да я рада была поверить любой мульке, только Гордей не отпирался. Он гордился этим, как же - востребованным стал. Мужской неудовлетворённостью попрекал, дрёмой обзывал...

Инесса: Понятно!

Агриппина: А раз понятно, почему не соглашаешься?

Инесса: Программа предполагает полную честность, сейчас я не готова согласиться. Но подумаю...

Агриппина: Что ты программой прикрываешься, словно первый раз замужем?

Инесса: Может быть, поэтому и сомневаюсь, что не первый. Программа рекомендует не кидаться в сексуальные отношения.

Парамон: Не отказалась Гриппа от своих желаний, если уж быть правдивым до конца. Вначале я не понимал Гриппино охладения. Думал, на работе трудности напрягают. Конкуренция на рынке напитков обострилась, прибыль стала резко падать. Всех мелких производителей решили уничтожить. Крупные игроки сбросили цены, и нам пришлось сворачиваться. Как работник я стал лишним. Порой мы с Гриппой встречались и даже были близки, но всё это было стихийно, ей нравилось это делать в необычных условиях. В машине на Красной, на работе, в цеху или в ожидании, когда Гордей зайдёт. Ей были нужны всё новые впечатления и неожиданности, меня это напрягало. Встречались всё реже и реже. Дочки у неё подросли, стали неудобные вопросы задавать. У меня появилось новое увлечение - Стелла.

Вольский: Рыжая, темпераментная бестия, ты перестал ходить на собрания после того, как показал её нам.

Парамон: Стелла не хотела, чтобы я ходил к анонимным: её задевало, что я алкоголик. У неё не было вредных привычек, она не понимала механизм зависимости, и для чего взрослому человеку отвисать среди свободных баб. Но иногда, я всё-таки забегал к вам на огонёк.

Вольский: А мне казалось, я тебя обидел чем-то, поэтому ты к нам охладел.

Парамон: У меня порой тоже были мысли: «Я здесь чужой и лишний». Потом у меня умерла мама, крышу практически сорвало, от неожиданности и горя. Агриппина узнала, сразу примчалась, помогла мне материально и психологически. Мне казалось, мама умерла из-за моего питья. Гриппа успокаивала.

Агриппина: Больше четырёх лет мать видела тебя трезвым, не казни себя, ты не виноват в её смерти.

Парамон: Время лечит – это истина. Я не сорвался от горя, а Гриппа вошла в нашу жизнь именно третьим компонентом. Меня это устраивало.

Анастасия: Так вы стали жить втроём?

Парамон: Да, мы стали жить втроём и интимом на троих занимались с удовольствием. Меня напрягало, что дамам приходилось принимать спиртное перед сексом. Не могли они без этого, особенно Гриппа, её заносило от алкоголя и секса куда-то далеко, далеко. Это её слова. Я начал баловаться безалкогольным пивом и даже вином.

Анастасия и Камал: *(Почти хором)* А что безалкогольное нельзя употреблять?

Инесса: Конечно нельзя, это провокация!

(Все вопросительно посмотрели на Вольского)

Вольский: Я не истина в последней инстанции, не могу запретить отведать безалкогольное вино и пиво. Решайте сами. Я согласен с Инной, что это провокация. Давайте послушаем Парамона, он лучше знает.

Парамон: Первый раз безалкогольное вино меня насторожило. После двух рюмок, я схватил бутылку и стал жадно глотать из горла. Что-то остановило меня, мурашки ужаса и удовольствия ползли по спине и спускались вниз. Я ждал кайфа, но он не приходил. Поразмыслив, с божьей помощью, вылил остатки вина в унитаз. Но всё равно продолжал облизывать пробки и рюмки у каждого диковинного напитка, которые приносила Гриппа. Несколько раз опрокидывал в себя не больше напёрстка, чтобы почувствовать, как напиток растекается во рту, а его вкус и градус впитываются всем моим существом. Мне было в кайф общаться с красивыми молодыми женщинами, которые охотно отзывались на ласки. Порой удавалось ухватить или погрузиться в состояния, которые я испытывал, когда употреблял спиртное. Происходило изменения сознание, я испытывал наслаждение и легкость, сходные с опьянением, но без допинга. Здоровья хватало, и всё было бы ничего, только решила Агриппина навестить свою старшую дочь в Испании. В то время она уже училась там и собиралась замуж за испанца. Я решил проводить Гриппу до Москвы. Сейчас уже не помню, кто был инициатором, но проводы состоялись.

Инесса: А ты мог выбирать, ехать или не ехать?

Парамон: Скорее всего, нет. Гриппа всё преподнесла, будто мы видимся последний раз. В день отлёта мы зашли в магазин на Арбате, в отделе безалкогольных вин я увидел безалкогольное вино, которое стоило раза в три дешевле, чем в Краснодаре. Что меня подвигло его купить? Не помню, может Гриппа подсуетилась?. У меня не было явного желания бухать, вино было безалкогольным.

Инесса: И много ты его набрал?

Парамон: Дело не в этом, хотя вру и в этом тоже. Жаба задушила так, что я купил аж пять бутылок. Потом часто вспоминал, зачем мне понадобилось такое количество. Бес попутал, другого объяснения не находил. Но Гриппа не останавливала: это я помню точно. В гостинице одну распили второпях, время вылета поджимало. За моё здоровье! Вспомнил, это случилось накануне моего дня рождения. Подсознательно я накупил вина, чтобы отпраздновать собственный юбилей, «Сорок пять».

Инесса: Мужик с бананчиком опять?

Парамон: Сработал рефлекс: «Праздник, который всегда со мной!», а Гриппы больше не будет. Отправились в Шереметьево, я прихватил с собой бутылку, шоколад и стаканы. Всё время потихонечку прихлёбывали с тостами и без. Чувствовал некоторое

возбуждение, и что-то похожее на опьянение, но не придавал этому значения. Две бессонные ночи мешали сосредоточиться на чем-то конкретно. Всё менялось калейдоскопом. Гриппа улетела, бутылка исчезла в урне, я вернулся в гостиницу, и завалился спать. На другой день, часов в одиннадцать меня разбудил ненавязчивый стук в дверь. С трудом поднялся, в голове шумело, было явное состояние похмелья. Протянул руку ко вчерашней, недопитой бутылке, залпом выглушил остатки из горла, и вдруг с ужасом понял, пьянею. На этикетке стояло 6% алкоголя.

Все присутствующие хором: Так вино было настоящее?!

Парамон: Это было хорошее импортное вино, вывернуть себя наизнанку не получилось. Не приучен был я харчами хвастаться. Первой мыслью - злость и ярость на продавца. Но я не говорил, хочу безалкогольное вино, просто показал на витрину, заказал пять бутылок. Он сходил в подсобку, принёс, я расплатился, всё путём. Но мне важно было найти виноватого. Неужели Гриппа не видела. А может специально? Подстроила? В это время запищал телефон, пришло СМС: «Долетела хорошо, а ты похмелился уже?»

Инесса: Она знала, что это настоящее вино?

Парамон: Ты как женщина говоришь или, как товарищ?

Инесса: А в чём разница?

Парамон: Если как товарищ, то меня оправдываешь, и всё случайно.

Инесса: Тогда как женщина, не могла она не знать, что вино настоящее.

Парамон: Скорее всего, ты права. Но я подвоха не чувствовал. Да, я всегда хотел вина или чего-то с градусом. Хотя это только присказка, сказка впереди... В тот день я больше не пил. Хотя желание, по-нашему тяга, периодически вздыбливалась, впивалась в голову, хватала за желудок. Всем существом я жаждал вина и не только, я желал выпить, напиться, забыться, уснуть и не просыпаться. Порой ужас прошивал моё тело, меня кидало в пот, в холод и в дрожь. Быстрее домой, на группу, к маме на могилу, вопила во мне Высшая сила.

Инесса: А что в Москве нет Анонимных Алкоголиков.

Парамон: Не поверишь, в голову не пришло сходить к ним. Домой, домой стучало в виски, как колёса по рельсам. Сел в поезд, раскладывая багаж, обнаружил три не выпитые бутылки, купленные в подарок. Кому нужен безалкогольный подарок? В тот момент я размышлял трезво. Пьющему - он насмешка, а трезвеющему, соблазн и издевательство.

Инесса: Подарок стал алкогольным и вполне мог пригодиться пьющему.

Парамон: Мои думы текли в другую сторону. Механизм зависимости был запущен. Стало так плохо, хоть в петлю или с поезда прыгнуть. Но я «пошли другим путём», самым простым. Избежать соблазна можно только предавшись ему. Опустошил все эти 6% бутылки за час. Стало легче. Но не надолго.

Анастасия: Не мог перетерпеть?

Парамон: Не дай бог тебе в такую переделку, если вытерпишь, то я тебе орден при жизни вручу.

Анастасия: Какой орден?

Парамон: За «Оборону от Зелёного змия». Всю дорогу квасил. Благо и в ресторане было и на перроне хоть залейся. Когда оставалось до Краснодара часа два, вдруг зазвонил мобильник. Радостная Стелла застрекотала в трубку.

Стелла: Привет! Твой поезд не опаздывает, мы тебя встретим, только молчи и ничему не удивляйся.

Парамон: Необъятное спасибо! А кто мы?

Стелла: Это сюрприз!

Парамон: Я аж протрезвел, за два года, которые я её знал, ни разу она не сделала чего-нибудь похожего на благодарность в отношении меня, а тут вдруг встречает? Смутное беспокойство овладело мной. Стало казаться, я играю и живу в какой-то пьесе с трагическим концом, написанным специально для меня, и ничего не могу изменить. Вот и вокзал? На перроне меня встречала Стелла с цветами, а рядом Гордей Петрович в форменной фуражке, отделанной золотым шитьём, в ливрее: по-другому трудно было назвать одеяние, которое было на нём.

Гордей Петрович: Ну как, Агриппина успешно улетела?

Парамон: (*Бешенство охватило меня*) Можно подумать ты не знаешь, что она уже в Испании, сказал я как можно вежливее.

Гордей Петрович: Мы давно с тобой не виделись, надо как-то начинать разговор. Познакомься, Стелла Николаевна, мой новый сотрудник.

Парамон: Стелла вручила мне три розочки, протянула узкую свою ладошку и незаметно показала язык. Носильщик подхватил мой чемодан и повёз впереди, не оглядываясь. Откуда-то пришла ирония, я решил играть до конца. Мы молча вышли на привокзальную площадь. Таксисты почему-то не приставали. Что-то у нас город поменялся, подумал я. Когда подошли к сверкающему, пятнадцатиметровому белому лимузину всё стало понятно. Какие могут быть предложения от старьёвщиков.

Гордей Петрович: Располагайся.

Парамон: Теперь я рассмотрел его вновь, и понял, почему он так необычно одет.

Гордей Петрович: Мой свадебный лимузин единственный на весь Краснодар!

Парамон: - Клёвая телега! - пробурчал я. Расселись, машина медленно тронулась, кондиционер создавал прохладу и уют. - Да, нам так не жить, - подумал я, мне зверски захотелось выпить.

Гордей Петрович: Если хочешь, там в холодильнике коньяк.

Парамон: Уже знает сволочь. А он-то здесь причём? Мысли путались и скакали от Гриппы к Стелле, оседали на Гордея.

Стелла: Я тебе позвоню.

Парамон: Я прочитал эту фразу по губам и кивнул. Нутром чувствовал: месть, но за что и чья? Гриппа здесь главный режиссер? Снова запищала СМС: «Надеюсь, тебя встретили?» Да это всё задумала Агриппина Львовна, Но причём здесь вино? Не вливала она его в меня? Подъехали к дому, я взял чемодан. Простились. Вошёл в квартиру, открыл холодильник, там любимый мой коньяк «Россия» Новокубанск. Потратилась, однако, Агриппина Львовна. Сомнений не было, всё придумала Гриппа, только она знала про коньяк. стакан вошёл в меня без проблем, канули в лету шесть лет трезвости. - А вина могло и не быть, я бы не выдержал этого испытания, - это была заключительная мысль. Мне стало легко и свободно. Коньяк, он не только коньяк, он - утешитель.

Пауза (все молчат продолжительное время)

Вольский: У кого есть вопросы к спикеру нашего собрания?

Анастасия: Я жду продолжения.

Вольский: Сам срыв, не окончание процесса?

Анастасия: В рассказе полно тёмных мест. Парамоша расскажи, как всё завершилось? Со Стеллой, Гордеем и Гриппой? Ты наверняка всё уже знаешь, если конечно это не причинит вреда тебе или какому-либо другому человеку.

Парамон: Сейчас соберусь с мыслями. Душа взбаламутилась, чувства и эмоции раскрутились. Думал, похоронил все обиды, ан нет, ноет сердечко.

Инесса: Может быть, потому что продолжаешь пить?

Парамон: Парадокс, когда пью всё не так плохо. Отвратительно, когда пытаюсь остановиться.

Вольский: В тебе перестала работать трезвость, пока не заработает, вряд ли остановишься.

Парамон: Надежды нет?

Вольский: Безнадёжный только мёртвый алкоголик, на всех остальных надежд хватит.

Анастасия: Парамон, доскажи свою мелодраму, а то мы тоской изойдём.

Парамон: Очнулся дня через три. Телефон надрывался, я понял, знает, что я дома. Поднялся, дополз до телефона... в трубе лепет, словно ничего не произошло.

Стелла: Третий день не могу к тебе дозвониться.

Парамон: Не мудрено, я ж в запое.

Стелла: Так ты ж не пил совсем.

Парамон: С вами научился.

Стелла: Ты сам хорош, уехал, меня бросил.

Парамон: Ты зато славно устроилась!

Стелла: Так меня твоя Агриппинушка, сама под него бросила.

Парамон: И член вставила? *(пауза)*. Ладно, подробности не сегодня. Ты чё трезвонишь?

Стелла: Вещи хотела забрать.

Парамон: У тебя что, ключа нет?

Стелла: Боялась, вдруг у тебя кто-нибудь уже...?

Парамон: Ты жаждешь, чтобы у меня был кто-то уже...? Вину свою замять хочешь? Захотелось выругаться, но сдержался...

Стелла: Мне она работу предложила, на предприятии по оказанию брачных услуг, зарплата приличная, а Гордей такой душка, галантерейный, нежный...

Парамон: Конь ненасытный... Когда он тебя вышвырнет, ко мне не возвращайся.

Стелла: Я понимаю, тебе обидно, но ты и меня пойми.

Парамон: Да не егози ты, приходи, забирай свои вещи! «Дело житейское», как говаривал Карлсон. Только меня не тронь.

Стелла: Я мигом.

Парамон: Почему «я мигом»? «Мы мигом», пронеслось в голове. Подошёл к окну. На солнце блестел знакомый лимузин. Всё сошлось. Она отомстила мне? За что? За жизнь в семье «на троих»?

Инесса: Она сама хотела попробовать групповой секс, правда Вольский?

Вольский: Если я правильно помню, ей было всё равно, сколько в сексе мужчин и женщин.

Парамон: Если быть правдивым до конца, то были предложения включить в семью ещё человека два. Но Стела воспротивилась, да и у меня настроения не было.

Анастасия: Ни фига себе фонтанчики! Семья «на троих», срыв после шестилетней трезвости. Парамон, а тебя жизнь «на троих» не напрягала?

Парамон: А чем она могла меня напрячь? Разве тем, что перед интимом они выпивали для куражу, а я привык слизывать капли с пробок. Этого хватало. В остальном! - как сыр в масле.

Инесса: А как развивались события дальше?

Парамон: По известному сценарию. Позвонил подруге, с которой раньше перезванивались. Пригласила подплыть. Она пила марочное вино. Предложила мне. Ломаться я не приучен, согласился. Проснулись на другой день у неё. На столе семь бутылок коньяка, в голове ни одного эпизода, короче: Утро коньячной казни! Событьица офанарела от выпитого объёма. Я же притворялся непьющим, а как

оказалось в натуре, я просто на время остановился. Больше всего утешительницу поразило моё утреннее похмелье, когда я слил все остатки в один стакан и ляпнул эту бурду при ней. От омерзения её вырвало. Программа учит говорить только правду или молчать. На этом у меня всё!!!

Вольский: У кого есть вопросы к Парамону, задавайте.

Анастасия: Что ты думаешь о гармонии сексуальных отношений, в состоянии опьянения?

Парамон: Мне нравится секс между мужчиной и женщиной. Если я начну думать, что секс станет ярче, если приму спиртное, то это путь во мрак.

Анастасия: Ты сейчас в срыве? Можешь ты сказать что лучше, секс с алкоголем или без?

Вольский: Так вопрос ставить нельзя, это искушение.

Анастасия: Вольский, ты импотент, это у тебя на морде написано и прикрой мегафон!

Вольский: *(Видно было, Вольский вздрогнул от Стасиной реплики, но спокойствие сохранил)* Ты будешь отвечать Парамон или вопрос снимаем?

Парамон: Да, я сейчас в срыве, пил три дня назад. Все чувственные удовольствия, которые я получал в трезвом состоянии, сексуальные в том числе, намного лучше, выше и прекрасней всех пьяных утех. Это моё твёрдое убеждение. Вино раскрепощает, но наслаждение не даёт.

Анастасия: Ну, мы не у тех, мы у этих, и имеем собственное мнение.

Вольский: Не мешало бы прибавить трезвости года два, тогда твой опыт был бы золотой.

Анастасия: Ты что думаешь, я трахаться не умею?

Вольский: Ты только что сказала, о моей половой неполноценности, как я могу проверить, можешь ты сношаться или нет? Тем более что к теме это совершенно не относится.

Анастасия: У Вас всё к теме не относится, болтаете ерундой и только!

Вольский: У кого есть непреодолимое желание высказаться? *(Молчание)*

Переходим к свободной части собрания, чай кофе печенье разговоры!

Все встают, некоторые курят, наливают чай и сразу продолжают обсуждение в свободном диспуте.

Действие второе.

Камал: *(Доверительно почти шёпотом)* Ты почему ей не ответил?

Вольский: На что?

Камал: На импотента.

Вольский: Криком я могу доказать стоит у меня или нет?

Камал: Но, оставить без ответа? Глаза метали молнии. Я бы ей вмазал наверняка, если б она мне такое вякнула.

Вольский: Вмазал ей кулаком или стоячим естеством?

Камал: Каким естеством?

Вольский: Мужским конечно! Она сомневается в моей мужской полноценности, а ты предлагаешь доказать эрекцию кулаками. Она сомневается не в том, что у меня кулаки не стоят, а в том, что я мужчина. Если бы я охрип от крика и разбил в кровь пальцы, то всё равно не доказал бы ничего. Для неё я действительно импотент, если бы оказались одни на острове, а она была Пятницей, то либидо во мне не родилось. Нет в ней для меня притяжения.

Камал: Это мне в голову не пришло. Ты красавчик!

Вольский: Когда въехал, что она говорит, всё потемнело вокруг, я просто онемел...а потом кто-то шепнул: «Не ори, ором не трахают». Ну а дальше всё прояснилось...

Камал: Если бы ты пил, и она тебе это сказала?

Вольский: Если бы у бабушки был член, она была бы дедушкой. Когда пил, первая рюмка полностью затмевала всех красавиц, она становилась чаровницей, колдуньей, обольстительницей, Клеопатрой и Нефертити

Камал: Совсем не хотелось?

Вольский: Эрекция исчезала, хотелось только пить, где-то вычитал, жена уходит спать, и говорит мужу: «Милый, если тебе ночью захочется пить, то за окном в крынке молоко». А он в ответ: «Дорогая, если тебе ночью захочется вина, то в чулане в склянке керосин». Всё дело во вкусе. Начинал с хорошего, но полировал, чем попало.

Камал: Барматухой и парфюмерией?

Вольский: Тройняшку, если не разбавлять, пить можно. Дихлофосом не баловался, говорят, бьёт обухом по голове. Нирвана полная - часа на три

Камал: А зачем?

Вольский: Зачем - это не вопрос алкоголика. На него нет ответа. Почему? Потому что не могу не пить и всё! Арсенал торпед, который в меня вшили, иной раз снится, под парусами.

Камал: А они помогали?

Вольский: В начале пугали, потом и пугать перестали. Становилось действительно отвратительно. Первый раз, когда вшитый сбегал с «наркомата», всосал в себя флакон партийного, теряя сознание, успел постучать по батарее, сосед вызвал скорую – откачали. Но из наркологии выгнали.

Камал: Так эти торпеды в натуре могут умертвить

Вольский: А ты думал с нами шутки шутят? (Поворачивается, видит Майкл, они обнимаются и долго стоят, словно хотят удостовериться в присутствии друг друга).

Вольский: Слава Богу, это не сон.

Вбегают милиционеры: Всем стоять руки вперёд не двигаться!

Проводят досмотр и обыск. Звучат команды: Руки, выше, покажи, рукава засучи...

Вольский: (Бодрым голосом). Кто здесь старший?

Капитан: (Высокий, широкоплечий мужчина выходит из группы) Начальник отдела городского наркоконтроля капитан Варламов. (Показывает удостоверение).

Вольский: У вас есть санкция на обыск?

Капитан: А вы являетесь владельцем данного помещения или у вас есть доверенность на право представлять интересы хозяина?

Вольский: Нет, мы группа Анонимных алкоголиков «Возвращение».

Капитан: Вы находитесь здесь по устному разрешению Главного нарколога, который в любой момент может от вас кинуть.

Инесса: Но мы здесь уже давно...

Капитан: Про группу «Возвращение» мы всё знаем, по нашим сведениям среди вас появились наркоманы. Где они?

Вольский: Общество «Анонимные Наркоманы» собирается на этой площадке по вторникам и пятницам с 18-00. Вместе мы не собираемся.

Капитан: Сейчас не собираетесь, а раньше?

Вольский: Года три назад, к нам приходили два наркомана Афиноген и Маркел, но потом им разрешили собираться в другие дни. Они собираются отдельно, как и рекомендует программа выздоровления.

Капитан: Имена эти выдуманы.

Вольский: Вполне может быть, мы документы не проверяем, только помогаем друг другу выздоравливать.

Капитан: Наркоманы могут выздоравливать? *(в голосе слышна язвительная ирония и сарказм).*

Вольский: 12-ти шаговые программы выздоровления алкоголиков и наркоманов очень похожи. При старательном выполнении рекомендаций, происходит выздоровление.

Капитан: По нашим сведениям они здесь не лечатся, а ширяются и распространяют.

Вольский: А мы здесь причём?

Капитан: Мы и пришли убедиться, насколько причём ...или... не причём.

Вольский: Надеюсь, убедил-ли-ся?

Капитан: Не умничайте гражданин Вольский, мы вашу настоящую фамилию давно знаем.

Вольский: Не мудрено, я её никогда не скрывал, даже по ящику выступал, рассказывал, как можно обрести трезвость без медикаментов и гипноза.

Капитан: Мы всё о вас знаем. В анонимность с нами играть не советуем.

Вольский: Всегда к вашим услугам.

Капитан: До свиданья господи «Анонимные», советую не попадать в распространители!

Люди в форме шумно уходят.

Майкл: Это тоже не сон? И часто вас шмонают?

Вольский: Честно говоря, первый раз.

Анастасия: Кто-то на нас стукнул?

Вольский: За двадцать лет первый раз, это не стук.

Камал: Скорее устрашение.

Инесса: Почему ты так думаешь?

Камал: По вторникам и пятницам здесь стали собираться «Анонимные Наркоманы», как мы убедились, охранка в курсе.

Инесса: Думаешь, Маркел и Афиноген приторговывают?

Камал: Они употребляли! Ты в какой стране живёшь?

Вольский: *(Улыбаясь)* В России. Распространяешь или нет, а проверить надо.

Камал: Тут круговая порука, одни распространяют и отработывают свой хлеб справно, одни ловят, вернее, делают вид что ловят, одни лечат, стараются делать вид, что лечат и все они в одной вязанке. Выпадет одно звено - контора развалится. Они должны друг за друга горой стоять.

Майкл: А бабло сосут с бедного наркомана. На нём держатся и ордена, и взятки. То бишь и почёт, и благосостояние.

Камал: Из Близких они сосут бабло. Им только нас и проверять, птичка в табличке мероприятий, а наркоманы на свободе.

Анастасия: С перепугу сорвешься?

Камал: Я скорей всего стерплю. А новичок может надорваться...

Анастасия: Вы хотите сказать, для них наркоманы свои люди?

Камал: Мы говорим, все они одной верёвкой связаны, и должны друг друга беречь, а от нас какая польза? Нулевая! Мы пьём, что не запрещено.

Майкл: Если вмажем ацетон, то и он не запрещён!

Камал: Хватит о фараонах, сатрапах, и опричниках. Завтра скачки.

Инесса: С каких пор ты стал интересоваться лошадьми?

Камал: С тех пор как по ипподрому объявили: «Для женщин в шляпках вход бесплатный».

Майкл: Не понял?

Камал: Они мне очень нравятся.

Майкл: Лошади?

Камал: Нет, женщины! Сейчас такая редкость увидеть красивую шляпку.

Майкл: Ты же сказал, тебе нравятся женщины.

Камал: Пещерный ты человек, если шляпка красивая, то женщина в ней просто шедевр.

Инесса: Психи! О женщинах, как о лошадях и футболе?

Камал: Моя простая человеческая жизнь, я хочу научиться в ней существовать, не про «белку» же мне говорить, которая, слава Богу, меня давно не навещает.

Инесса: Ты никогда не был в депрессии?

Камал: Нет, у меня только похмелье и белая горячка, а депрессия - это для интеллигентов. Расскажите мне, что это такое?

Анастасия: Похоже на похмелье, только каждый день и без выпивки? Существом чувствую, схожу с ума, но остатки разума с этим не согласны.

Камал: И часто тебя достаёт, дисперсия эта или как там её?

Анастасия: Депрессия. У меня «белка» тоже бывала.

Инесса: У меня белки не было, одни кролики и кошки, только в детстве.

Камал: Вот ты тёмная, «белка» это горячка после глубокого буха. От меня кошка уходит, когда я в запое

Майкл: Все они такие

Камал: Кто?

Майкл: Бабы...

Камал: Причём здесь бабы, они меня давно оставили в покое. Кошка уходит! Не выдерживает перегара, который столбом стоит. *(Немного помолчал и продолжил)*. Хотя если честно, то первый раз я прервал питание из-за женщины.

Анастасия: *(Удивлённо)* Неужели тебе известны благородные чувства?

Камал: А теперь молчи, женщина! Было это лет шесть назад. Я уже ходил полгода на собрания, но пить не бросал. Мне казалось, я играю со спиртом в какую-то странную игру, в которой мне иногда удавалось выигрывать. Выигрышем, я считал «устоять перед запоем». Однажды на собрании, собралось нас человек пять, вдруг пришла новенькая.

Целестина: Меня зовут Целестина я алкоголичка. Могу я к вам ходить на собрания.

Камал: Конечно можете, раз решила остановиться в собственном питие.

Целестина: Я учусь в университете, приехала на сессию экзамены сдавать, а дальше как получиться.

Камал: И где такие красавицы произрастают?

Целестина: На водах молодой человек

Вольский: Я вспомнил эту особу, она мне тоже понравилась, мы ещё рецепт той воды попросили. Она сказала в горы надо подняться - высоко, высоко, там её без рецепта можно отсосать.

Камал: Так и сказала отсосать.

Вольский: Потому и запомнил, что так сказала!

Камал: Раз вспомнили, всё равно расскажу. Понравилась она мне с первого вздоха! Я сказал себе: «Пока она будет ходить на собрания, я пить не буду!»

Инесса: Нельзя бросить пить для кого-то, даже если влюблён.

Камал: Это мы сейчас такие грамотные, а тогда кто этот постулат слышал? Я смотрел на неё, как на сокровище, как на произведение искусства, видел в ней высшее

проявление женственности. Я ждал каждой субботы, жаждал её и летел сюда, как на крыльях. Целестина возбудила человеческие чувства. Однажды мне повезло, пришли только она и я.

Целестина: Ну что так и будем сидеть? Проводи собрание.

Вольский: Ты провёл собрание?

Камал: Не поверишь, очень успешно.

Вольский: Тогда я поверю всему, чтобы ты не рассказал.

Все молчали в удивлении, Камал никогда не рассказывал о себе

Камал: Мы много болтали после обязательной части собрания. Ей было 22, мне тридцать. Я млел и таял от её аромата, голоса и взгляда. Она жила в маленьком городе Кавказских минеральных вод, родители были в разводе, отец её пил, но алкоголиком не был. Она давно жила самостоятельно, загадок в отношениях мужчины и женщины для неё не было. Я пригласил её в кино.

Целестина: Если что-то интересное пошли, я сегодня сдала экзамен, кутить так кутить.

Камал: Смутно помню содержание фильма, он был интересен, потому что рядом сидела Целестина. Мы с тобой встретимся завтра? Спросил я на прощание.

Целестина: Завтра да, а послезавтра нет.

Камал: Мне достаточно завтра.

Целестина: Думаешь, завтра у тебя всё получится?

Камал: Её реплика резанула меня промеж глаз, спокойствия не потерял, но ответил: «Программа учит, живи одним днём. До завтра - рукой подать. Мы с тобой здесь и сейчас – это главное».

Целестина: Надо же какой программный.

Камал: Мы стали встречаться, когда позволяла её учёба. Всё было в розовом свете, ананасы с огоньками и звёздочки в её волнистых волосах. Я уже пьянел в поцелуях. Но однажды она не пришла на собрание. Я нашёл её в кафе рядом с институтом. Она еле ворочала языком. Целя, что с тобой, почему ты здесь?

Целестина: Какая я тебе Целя? Я давно уже не Целя, у меня таких как ты, вагон с прицепом. Накаталась я по стране.. Могу расслабиться по случаю двойки за экзамен?

Камал: Подумаешь неуд? Пересдашь.

Целестина: А мне преподаватель предложил оценку отработать.

Камал: Слезы пробили её, она стала простой обиженной девчонкой, которая сбивчиво бубнила сквозь рыдания, что-то невнятное, но я понял. Пойди к другому преподавателю.

Целестина: Одним больше другим меньше, дам я ему, что ты хошь, и хоккей. по вытрезвителям раз пятнадцать валялась. Только видели меня пьяную, сразу и забирали. А расплачиваться не чем, приходилось ментам интимные услуги оказывать. Отпускали, и от жён своих убегали, кобели проклятые, видать нравилось с молодухой забавляться.

Камал: Во мне что-то сломалось. Я не верил и не хотел верить. Пьяный бред не давал мне успокоиться, примириться и уснуть. Уже давно сдал Целестину сестре, которая жила недалеко от университета. Всё моё существо тряслось в нервическом припадке.

Инееса: Есть правило: «Не соединяй программу с отношениями в группе?» Ты тогда сорвался?

Камал: Напился я позже, но об этом потом, а тогда, я возмущался, презирал, ненавидел, злился. Мне казалось это никогда не кончится. Покой, который я обрёл и дорожил, рухнул. Пришли возмущение, стыд и позор. Тогда я позвонил Вольскому.

Вольский: Помню это случилось в полночь, мне показалось, Камал отравился и ему осталось жить полчаса не больше. Жена кричала вослед: «Куда на ночь глядя?» Но я не слышал. Мне хотелось вытащить его: «Только бы не напился, думал я, только бы оставался сухим». Камал не подвёл. Мы приехали ко мне и просидели до утра, но лекарство от этой любви нашли.

Инесса: Всё у вас мужиков просто? Посидели, потрепались, разошлись довольными! Какую-то подругу вспомнили?

Камал: Нет, на этот раз было сложнее. Я хотел Целестину понять и оправдать. А тут, с какой стороны не подходи - я в дураках. Программа учит понять, принять и отпустить, но как принять торговлю телом, если сам никогда этим не занимался. Спасибо Вольскому.

Инесса: Вольский, ты владеешь древнейшей профессией?

Вольский: Нет. Я здесь не при чём: это наше общее открытие.

Камал: Вольский вдруг вспомнил, в Горбачёвском году, загремел он августом в вытрезвитель. Это был апофигей сухого закона, тогда всех хотели до костей высушить. Если бы он не отвертелся, то ему на работе кирдык.

Вольский: Я в те времена транспортом заведовал. Нашёл я тогда дырку в бюрократическом брюхе МВД, и залил туда бензин в большом количестве, чем себя и отмазал. Вот мы с Камалом и прикинули: «А если бы начальник вытрезвителя был Гей». Сейчас этим никого не удивишь!

Инесса: Вольский, ты был мальчиком, способным соблазнить гомосека?

Камал: Причём здесь реальная ситуация? Это просто модель, но тут-то и ответ. Сумел бы Вольский отказать Начальнику Гею, в той ситуации?

Майкл: Вольский, ты не устоял перед прелестями советского фараона?

Вольский: Меня спасло, что начальник вытрезвителя не был Геем, и это современное голубое словоблудие тогда казалось фантастикой. Так что ценность этого открытия только теоретическая.

Камал: Стало ясно, иногда безвыходность положения, вынуждает совершать безнравственные поступки и принимать греховные решения, но с этим прошлым приходится жить самому.

Вольский: Мы пошли дальше: Нет ни плохого, ни хорошего, есть только моя оценка реальных событий и всё.

Инесса: Чаще всего, оценки сторонних людей негативны и категоричны. Мне на них было плевать, когда пила, так почему мне себя стыдиться, когда не пью! Дальше что было?

Камал: Ничего не было. Целестина некоторое время ходила на собрания. Со мной практически не общалась, как это бывает у женщин не то чтобы да, а скорее нет-нет. Потом уехала домой. А я начал выпивать.

Анастасия: Ты хочешь сказать, что не выяснял отношений?

Камал: Вот дотошная женщина, конечно, выяснял, но...

Целестина: Эти виртуальные менты всю жизнь будут между нами. Если бы я промолчала или это была лож, но это правда, так что прощай Кама.

Камал: Тогда я понял, что такое ДЕВЯТЫЙ шаг. Голая правда никому не нужна. Моя исповедь и покаяние не должны нанести вред другому человеку и всё.

Варвара: А где Целестина теперь?

Камал: Слышал, успешно трезвеет, у них в регионе бум непьющих созданий. Муж, говорят, у неё стоящий мужик. Жизнь не заканчивается от несчастной любви одного человека. Тем более жизнь трезвеющего алкаголика. Ослеплённый Бахусом, бреду по дороге жизни, оступаюсь, но пропасти нет. Трезвость у меня впереди!

Инесса: У меня в прошлую пятницу было 8 лет трезвости. Я об этом забыла, выпало из бестолковки. Когда Вольский сказал: «Срок трезвости иммунитета не даёт». Вспомнила! Не забыла, что я алкоголик, но забыла про рождение собственной трезвости!

Вольский: Торт замылила, придётся проставляться. Что за жизнь? Воды газированной с зефиром, и то не дают.

Инесса: Нет проблем, поляна будет в следующий раз. Забыть такое событие, преступление, мне самой не вериться.

Вольский: Для меня предстоящее 20летие трезвой жизни - радость и грусть одновременно.

Инесса: А почему грусть?

Вольский: Хочется быть молодым.

Инесса: А возраст здесь причём?

Вольский: Я пенсионер допризывник.

Инесса: Это как понимать?

Вольский: В мои пьющие коммунистические времена, за год до призыва в армию юноша гордо носил звание «Допризывник»

Инесса: Тебе год до пенсии?

Вольский: 365 дней до приказа. Большая, я не говорю лучшая, половина жизни прожита. Оказалось, жизнь удивительно быстро проходит. А когда пьешь, пролетает.

Инесса: Трезвая жизнь - это просто улёт.

Вольский: Улёт, но медленный, особенно вначале, когда первый день трезвости второй, третий скорее бы, скорее бы. Хочется отступить от края пропасти. Торопил собственную жизнь, в которой не умел, но уже учился наслаждаться. Всё было в кайф, всё было открытием, пока не исполнилось ДЕСЯТЬ лет.

Инесса: Разъясни.

Вольский: Начал пить систематически лет в 16-17

Инесса: Что значит систематически?

Демьян: Четыре пива, два портфельных, и опять четыре пива. Бразильская система 4-2-4

Инесса: Я серьёзно.

Вольский: Систематически? По праздникам, на танцах, после школы, просто вечером с друзьями и набиралось дней 5 в неделю. Но в юности останавливался на глотке, в один момент.

Инесса: Как это на глотке?

Вольский: Опрокинули, вдвоём фугас Анапы, нарисовалась вторая, с третьим участником. Я говорил: Не хочу, встал и ушёл.

Инесса: И что не уговаривали.

Вольский: Уговаривали.

Камал: Здоров ты врать Вольский. Ну кто ж от фугаса живым отползал?

Вольский: Не мог я пить без перерыва, меня выворачивало от креплёного, чувствовал себя кутёнком, способным лакать только молоко.

Камал: Подумаешь неприятность? Харчами похвастать! Блеванул, обтёрся и за стакан, чрево-то опылилось.

Инесса: Мне совершенно не понятно, как ты можешь так говорить, видать есть особенности женского алкоголизма.

Камал: Давайте обсудим эти особенности?

Инесса: Мне кажется, до замужества все были мне должны.

Камал: Неплохо, и давно я у тебя занимал?

Инесса: Ну что ты летишь как телега впереди лошади? Заботиться обо мне должны, понял.

Вольский: Камал, не перебивай, дай человеку высказаться.

Инесса: Родители должны, кормить и учить. Воспитывать не надо. Старший брат защищать и решать задачки. А когда вышла замуж, муж должен быть добытчиком, зарабатывать большие деньги и обеспечивать меня всем, что хочу!

Анастасия: А ты сама кому-нибудь и что-нибудь должна?

Инесса: Рожать мужу детей и радоваться жизни.

Вольский: Вполне похвальное, женское желание!

Инесса: И когда после замужества и родов, я оказалась с мужем наркоманом, который не только не добытчик, а полнейший растратчик и разрушитель, то ничего не оставалось делать, как присесть на стакан. Я погрузилась в зависимость от алкоголя, когда моим дочкам было 5 и 6 лет. Муж к тому времени был профессиональный наркоман, которого преследовали менты всего города. Он был героем всех устрашающих передач по телевизору. Как только, где-то появлялось подозрение на наркоманию, все розыскные мероприятия начинались с нашей квартиры. Его кумары я прошла, как голгофу. Я ничего не смогла придумать, как стать запойным алкоголиком...

Анастасия: В чём причина твоих запоев? Как ты думаешь?

Инесса: Старалась обрести крупницы душевного равновесия, чтобы совместить заботу о детях с работой и жить с наркоманом. Когда муж тащит из дома всё, что можно обменять на дозу, совершенно не заботясь ни о ком и ни о чём?

Анастасия: Твоим дочкам сейчас 13-14?

Парамонов: Самый сложный и непредсказуемый возраст, когда моим пацанам было столько, у меня крышу срывало.

Инесса: Вот, вот хоть не теляной стелись. Порой я ни о чем думать не могла, только о вожделенной выпивке. Но чтобы оскоромиться, необходимы время, место и сама эта растреклятая жидкость. Я предпочитала водку, а для того, чтобы праздник состоялся необходимо заработать бабло. Начинала батрачить. По-другому добывать деньги я не умела и не научилась до сих пор.

Камал: Профессиональный алкоголик должен уметь просить, выпрашивать, занимать, фантазировать, разводиться, воровать...

Инесса: Такое в голову не приходило, возвращалась из запоя, работала и всё. Во время запоя, на работе не появлялась. Когда деньги кончались, ничего не оставалось делать, как ползти на работу. Сидеть через обрыдло восемь-десять часов, сохраняя болезненно-деловой вид. Дней через пять помутнение разума проходило, наступало подобие просветления. Начальство давало новые задания, я погружалась в рабство: плата за квартиру, детсад, расходы на еду столбили меня. Я зомби: садик, работа, садик, дом, работа. Безумная, необходимая циркуляция, совершенно не совместимая с алкоголизмом. Но горящие проблемы решались, в голове всплывало: «Не пора ли выпить?» Бабла ещё не было, а желание накинуть уже проявлялось. Я начинала заговаривать, моделировать пространство и время. Самый лучший вариант, детей забирает бабушка.

Анастасия: Ты ж говорила, они детсадовские?

Инесса: Их нужно регулярно отводить в дет сад, поутру, когда ещё могла ноги переставлять, но забирать под балдой просто не было сил. К тому же они иногда болели.

Камал. Какой же это запой, это полный контроль над ситуацией.

Вольский. Ты дашь, наконец, рассказать, как женщина-алкоголик сохранила человеческий облик, растила детей и жила с наркоманом.

Инесса. Спасибо, ты коснулся самого тяжелого момента во всей этой тягомотине, которую мне пришлось пережить. Перед собственным запоем приходилось прятать всё, что можно было продать или обменять на дозу.

Анастасия: Так этот наркомой жил с тобой?

Инесса: Самое отвратное и тяжёлое, он не был моим боем или сожителем. Он был мужем и отцом моих детей! Когда у меня начинался запой, он появлялся ниоткуда. В нормальном состоянии, я его неделями не видела. Когда начала трезветь, он месяцами не объявлялся, но только тянуло лёгким 20минутным перегаром. И вот он - покашливает в коридоре. На халяву наркоши сосут всё. Во время запоя я добрая: налетаю, торопясь, разливаю, не скупясь. Он добирался до моих запасов, и пил со мной пока не кончались деньги и водка.

Камал: Использование брака в наркотических целях.

Инесса: Наконец дошло. Он выжирал всё, что мог найти, потом выгребал все, что мог продать и исчезал. На утро: плойки нет, кофеварки нет, фена с миксером тоже. А эта сволочь приходит и требует раскумариться.

Вольский: На синьке они порой переживают ломку.

Инесса: Что он переживал, я не знаю. Дочки наутро определяли, забулдыга-папа приходил и начинали спрашивать, где он, когда появится, какой подарок принёс. Они не знали, что он наркоман, что только наркотиком наполняется его жизнь. Наркотик для него Бог! Наркотик приказывает, он выполняет все его капризы. Я жила в иррациональном мире, периодически испытывая злость, ярость, истерику, депрессию, жалость и раскаяние. Я носилась с ним по психушкам. Когда врачи говорили: Наркомания не излечима, - я им в лицо кричала: «Это будет первый случай излечения наркомана в вашей гнилой, социалистической медицине...» Сколько раз хотелось просто наклониться с балкона в пустоту. Девятый этаж всё-таки.

Вольский: Твоя жизнь просто не постижима. Две дочери, почти невесты, муж норкоша, сама работаешь, выглядишь Звездой.

Инесса: Так восемь лет в завязке. А когда глотала всякую дрянь, то синела на второй день.

Камал: Не в завязке, а в бессилии, нет таких цепей, которые не разорвал бы алкоголик в стремлении выпить....

Анастасия: Ты пришла к «Возвращенцам» сама?

Инесса: Нет, сначала ко мне пришёл Вольский. Прочитала я в газете объявление о Непьющих алкоголиках. Сама позвонила ему в тяжёлом бодуне, пригласила к себе на свидание.

Вольский: Я бежал тогда на 12 шаг, как угорелый на свежий воздух. Это единственный положительный случай смычки мальчика по вызову, которым я тогда был, с действующим алкашём. Я готов был говорить о программе с кем угодно, сколько угодно и где угодно. Инесса, ты памятник нерукотворный, моему 12му шагу: не зря бегал. Спасибо!

Инесса: Мне не за что. Вольский рассказал суть программы, ответил на все вопросы, за какой-то час Мне стало не интересно, в холодильнике охлаждалась бутылка. Полдень приближался, трезвость могла подождать.

Камал: Ты что не видел, что она под бухом?

Вольский: Вот теперь всё встало на места, я видел и чувствовал: она в абстинентном синдроме и ей очень хочется выпить. Поразило, почему она меня слушает? Давно пора идти за пойлом? Наверно, я ей нравлюсь? Теперь всё стало ясно. Можно спать спокойно, бутылка в холодильнике, а этот пусть моросит, всё равно уйдёт, куда он денется?

Анастасия: И ты пришла на собрание?

Инесса: Да, с подругой детства. Как в комнату смеха. Но зацепили меня эти друзья. На следующий день детей бабушка в станицу забрала, и я погрузилась в глубочайший запой. Пила и все не могла нажраться, как с цепи сорвалась. Просыпалась и опять шла за водкой, почти ползала, но порой вспоминала - путь есть, надо только протрезветь.

Камал: И сколько ты пила?

Инесса: Не помню, кажется больше месяца. Что-то в один прекрасный день заставило меня сесть в электричку и отправится к детям. Стыдно стало, когда дети спросили: «Мама, почему ты так долго не приезжала, мы 20 дней каждый вечер встречали тебя на вокзале». Хотелось сочувствия и тепла, в похмельном угаре посетовала матери на судьбу свою: муж наркоман, работа каторжная, денег нет, в квартире пусто, дети не ухожены. А она мне в ответ: «Человек ко всему привыкает, и в Освенциме люди выживали».

Камал: Твоя мать так тебя успокоила?

Инесса: Только дети жалели, любили и силы давали, в ответ на грязь, которую я несла.

Анастасия: Я порой завидовала женщинам-саякам, мне казалось, дети любят их больше, чем нас «добропорядочных».

Вольский: Вы хотите, чтобы дети любили вас, потому что уверены, они в неоплатном долгу за чудо рождения, а у саяков дети хотят, чтобы мать любила их, и благодарны, что мать эта, просто существует. Ранения и душевные потрясения, которые мы наносим детям во время пьянства, остаются с ними на всю жизнь.

Анастасия: А подробней нельзя?

Вольский: Моя старшая дочь пряталась, когда я шёл с работы. Не важно, пьяный или нет. Не хотела, чтобы знали кто её отец!

Инесса: А сейчас какие у тебя с ней отношения?

Вольский: Отеческие и дочерни. У меня две дочери, между ними 5 лет разницы. Перед старшей мне и сейчас неудобно за свои питейные поступки. Чувство вины мешает, порой очень сильно. Но поправить ничего нельзя, как бы не хотелось. Младшая сказала: «Когда стала понимать, что-то с тобой непонятное происходит, ты вдруг стал трезвым и нормальным. Мне было стыдно, когда ты ходил грязным, шатался и матерился на чём свет стоит. Но в постоянный стыд это не перешло».

Инесса: А со старшей, пятый шаг не удался?

Вольский: Да, не удалось признать перед родной дочерью истинную природу собственных заблуждений. Если принять пятый и шестой шаги за исповедь и покаяние, перед тем кому причинил зло и обиду, со старшей откровенного разговора не получилось.

Камал: Открыться и покаяться духа не хватило?

Вольский: Вначале вовсе не считал себя виноватым: она дочь и всё! Обязана любить и уважать. А когда развелась с мужем, мне стало казаться, замуж она сбежала от меня отца-алкоголика. Лучше подлец и негодяй муж, чем пропойца отец.

Инесса: Не за первого встречного она выскочила замуж. Бьюсь об заклад по любви! Ты здесь совершенно не причём!

Вольский: Проницательна ты, однако, точно Шерлок Холмс!

Инесса: Ты уже дед не молодой, значит замуж, как на пожар не бежала, чтобы беременность прикрыть.

Вольский: Выскочила за него в восемнадцать!

Инесса: Раз без дитя долго жили, то по большой любви!

Вольский: Руки просил, и сваты приходили, всё путём. Соединились после первого курса, свадьбу по-людски справили.

Камал: После развода стало известно: «Зять подлец!» И ты себя в говнюки записал.

Вольский: Они прожили без детей 10 лет, как только внучка родилась, он сбежал к маме под юбку.

Инесса: Ну с мамой уютней, можно спать не просыхая. Но должна быть и молодка?

Вольский: Да объявилась позже и пассия. Спасибо за поддержку. Вы всё поняли сами.

Инесса: Подумаешь Бином Ньютона. Жена кормила, поила, стирала и даже отпускала гулять. А тут дитё, всё внимание на него. Кобелю в лом на втором плане отвисать, да ещё и помогать напрягают, попрекают, что на диване лежит. Ребёнок не мой, жена блядь, квартира моя, кормили концентратами, ходил в тряпье.

Вольский: Откуда ты всё знаешь?

Инесса: Все мужики одинаковы.

Вольский: Вот и нарвался...

Инесса: Пьеса развода стара как мир. Какой же жлоб откажется от квартиры?

Анастасия: От детей отказался вмиг?

Инесса: Естественно, не он носил под сердцем. Ребята не отвлекайтесь от темы

Анастасия: А что была тема?

Инесса: «Комплекс вины у Вольского из-за неудачного брака дочери». Считаю, его вины здесь нет. Даже если дочь скажет: «Вольский ты виноват, что мой муж подлец», - улыбнись ей в лицо.

Вольский: Она так не скажет.

Инесса: Почему ты так уверен?

Вольский: Она никогда не называет меня Вольский.

Камал: Ура программе, за вину третьих лиц никто ответственности не несёт. 9-й шаг наоборот.

Вошла Дарья, все замерли. Дарья была женщиной воинственной и скандальной, поэтому её тихий голос насторожил и удивил всех, последовала пауза:

Дарья: Я тут молчала, но больше нет сил молчать!

Вольский: Говори пожалуйста.

Дарья: Я пришла на собрание полгода назад первый раз, чтобы убедиться, что появились ещё одни умники, которые хотят с моей помощью разбогатеть. В то время я жила в дворницкой каморке. Когда вы говорили о женщинах-сывках – это про меня. Вы представьте мою комнатуху, помещение для колясок в 9-ти этажном доме, на первом этаже, которое в нашем городе по прямому назначению не используется. С помощью собутельников, приспособила его под помещение, где можно ночевать, пить, трахаться по пьяному делу, и хранить немудрёный дворницкий инвентарь. Жила я там с дочкой, которой сейчас шесть лет.

Инесса: А где она сейчас?

Дарья: Играет с подружкой, по месту работы, у меня с жильцами уже соседские отношения. Если можно, не перебивайте меня, мне трудно даётся говорильня эта. Сама по порядку расскажу. Ютились мы там, как могли, а пила я каждый день, и в основном крепкие напитки типа самогона. Работала дворником, площадка была не большая, но по причине моего постоянного беспамятства, очень она меня угнетала. Рано утром продирала глаза, если кто-то со мной рядом валялся, поднимала и выпроваживала. Если начинал артачиться, то применяла силу, баба я крепкая. Полюбовники мои особым здоровьем не отличались, давно сидели на спиртосодержащих жидкостях. А по правде сказать, какие из них любовники, приставали, потому что ночевать было негде. Потом искала похмелиться, если находила, то выпивала и жизнь становилась веселее. Убедившись, что дочка на месте,

выходила на улицу и начинала уборку. И так каждый день. И всё было бы ничего, но появился у нас новый участковый, стал он ко мне придирается.

Инесса: Глаз, что ли положил?

Дарья: Не подначивай, какая я ему пара? Понимаете, все мои дружки были с законом не в ладу, и решил он через меня на участке порядок навести. Стал кляузы и пресечения творить. Не буду я это рассказывать. На 15 суток он меня хотел раз пять определить, но не смог, я мать одиночка и такому наказанию не подлежу, а в преступлениях не замешана. Тогда он решил лишить меня родительских прав. И пошло это дело, как по маслу. Один раз в суде, второй раз, смотрю уже и впрямь мне без доченьки куковать придётся. По правде сказать, мать я никудашная. Пьянь, да и только. Но Софьюшка меня любила и сейчас любит. Получила я третью повестку в суд. Как сейчас помню, дочка подаёт мне её и спрашивает: «Мам, неужели тебя у меня отнимут?» Я конечно в подпитии была, но вздрогнула, спросила почему так говорит. Оказалось, без меня две тётки к нам заходили, вынюхивали, как мы живём. Тарелки, кастрюли искали, удивлялись, что их нет. Поинтересовалась, что дочка им сказала. Она у меня смышлёная, доложила, что нам и баночек хватает, которые она в подъезде подсобрала.

Инесса: Что у вас и посуды не было?

Дарья: А зачем она мне. Самогон из горла употребляла, а дочке концентрат покупала, если не забывала, так он в посуде продаётся. Электрочайник только берегли.

Инесса: Ты что забывала дочку покормить?

Дарья: Она у меня привычная была на счёт голода, к подружке на первом этаже бегала, там перебивалась, пока я в себя приходила. Я понимаю, вы в судорогах от моей материнской любви. Что за мать такая?! Но вы говорите алкоголизм – болезнь! Что вы о ней знаете? Подходит ко мне Софья, так мою дочку зовут, а рука у неё неестественно болтается, перелом предплечья оказался. И просит меня в больницу отвести, я в это время с собутыльником самогон употребляю. Я ей: «Софья не до тебя сейчас, давай завтра твоей ручкой займёмся». Так жильцы скорую вызывали, дочку в гипс заворачивали, пока я свои пьянки справляла.

Инесса: Как такое может быть?

Дарья: Чистенькими быть хорошо, а вы попейте с моё, а то выпьют литр пива и трагедия у них, а если три литра самогона, то я уже не человек, что ли? Не имею права на трезвость?

Вольский: Даша ты же ходишь к нам уже полгода, а мы не знаем кто ты и как породнилась с зелёным змием?

Дарья: А если б знали, что поменялось бы?

Вольский: Тебя к нам кто-то привёл?

Дарья: Инесса, спасибо ей.

Вольский: Вот видишь, не прошли же мимо, посочувствовали.

Дарья: Воистину её мне Господь послал. Третья повестка, сижу я в суде, пьянь-пьянью, только не опохмелившаяся, а рядом Инесса, о своём волнуется.

Инесса: С мужем я тогда разводилась, колотило меня всю, он опаздывал, как всегда. А она мне: «Успокойся, что ты дрожишь, дальше Кукушки не пошлют». Причём здесь кукушки?

Дарья: Не кукушки, а Кушки. За что тебя притащили сюда?

Инесса: Сама пришла с мужем разводиться.

Дарья: Из-за кобеля, так колотишься, неужели справный?

Инесса: Наркоман он, дрожу, боюсь не придёт.

Дарья: Ну и хрен с ним, может так и надо? Мне бы твою заботу.

Инесса: Мне почему-то стало легко, а у тебя, что за дела?

Дарья: Меня дочери хотят лишить.

Инесса: Тогда и я рассмотрела, кто со мной рядом. Рассказала ей программу выздоровления от алкоголизма, стала уговаривать прийти на собрания к «Возвращенцам».

Дарья: Мало того, пошла со мной к судье, попросила отсрочить дело на три месяца.

Инесса: Как у нас принято: 90 дней меняют судьбу, но судья заартачилась и сказала: «Два месяца, ни дня больше! Как хотите, крутитесь, но чтобы от жильцов и с работы было подтверждение, гражданка не пьёт». На собрание я её привела, не пьёт теперь.

Дарья: Уже полгода ни капли во рту.

Вольский: А что суд?

Дарья: Отстали. Дворник - это я значит, оказался человеком необходимым и незаменимым. Протрезвела, во дворе стало чисто и опрятно. Жильцы за меня горой встали на суде. На годовом испытательном сроке сейчас.

Вольский: А что рычишь то на всех?

Дарья: Да участковый падла, до сих пор достаёт, бывших собутыльников ещё всех не отвадила. Похмельный синдром бьёт, чуть ли не каждое утро. Так что извиняйте, как вы говорите, господа АА!

Варвара: А посуду купила?

Дарья: Мне жильцы на день рождения, за мою отличную работу подарили столовый сервиз. Софья готовить научилась, теперь я три раза в день, как столбовая дворянка на белой салфетке с ножом и вилкой управляюсь.

Вольский: Безнадёжный только мёртвый алкоголик, так говаривал мой спонсор Леонард из Ростова на Дону.

Божена: Видать, он был прав.

Вольский: Есть ли ещё у кого-нибудь непреодолимое желание высказаться.

Пауза

Вольский: Если вы не возражаете, то я закрываю собрание. (*Возражений не последовало*) В заключение собрания, хочу напомнить, мнения выраженные здесь - это мнения только тех, кто говорил. Истории, услышанные вами, были рассказаны в доверии и должны оставаться конфиденциальными. Сохраните их только в стенах этого здания и вашем сознании.

Говорите друг с другом откровенно, и пусть здесь не будет сплетен и критики друг друга, а будет понимание и мир. Любовь нашей программы будет вырастать в вас день за днём. Просьба желающих присоединиться к нам в нашей молитве.

Все берутся за руки, после того как формируется круг, повторяют хором:

Господи дай мне разум и душевный покой принимать то, что я ни в силах изменить, мужество изменить то, что могу, и мудрость отличить одно от другого. Да исполниться воля твоя, а не моя. Аминь!

Все потихоньку расходятся, убирают со столов литературу и посуду. Остаются только Вольский и Майкл, они садятся напротив и молча разглядывают друг друга. Видно, им обоим в этот момент очень хорошо, они давно не виделись, и каждый не хочет нарушать мгновение, которое реально наполняет их хорошим настроением.

